

Әе

КАПИТАН

ТАЙРИН
КИНКЕЙД

Слейт Клайборн – бывший морской пехотинец и снайпер, видевший и делавший то, чего не должен переживать ни один человек. Он возвращается в родной город на пасторальном острове Пиберри, отчаянно желая привычной рутины, от которой когда-то хотел сбежать. Израненный и мертвый душой, Слейт не в состоянии находиться в окружении людей, в то время как его тело – смертоносное оружие, а ночные кошмары не дают ему спать. Слейту не удастся сдержать клятву, данную умершему у него на руках командиру – пожилой человек просил присматривать за его дочкой. Однако, вопреки ожиданиям, восторженная Холли Харпер оказывается отнюдь не маленькой девочкой с косичками. Она приезжает на остров Пиберри и покупает обветшалый особняк, чтобы превратить его в гостиницу для туристов в отпусках. Более того, Холли решительно настроена вернуть Слейта в мир живых. Сначала она налетает на него посреди зимнего островного фестиваля, роняя ему под ноги пироги, затем, вопреки здравому смыслу, тащит к гадалке. Если не считать испепеляющего влечения, они несовместимы во всех отношениях. Но когда суровый северо-восточный декабрьский ветер запрет их вместе в доме, преодолют ли Холли и Слейт свое прошлое и обнаружат ли, что они – две половинки одного целого?

Тайрин Кинкейд

Её капитан

— Морской пехоте не место в гребаной пустыне, — от жгучей боли в плече Слейт так сильно стиснул зубы, что его слова были едва различимы, однако несомый им человек расслышал их, если стон можно считать ответом. Слейт коснулся пальцами запекшейся и свежей крови на камуфляже командира.

Он взглянул на своего начальника. Обычно операциями руководил лейтенант, но капитан воевал уже чертовски долго и всегда казался нерушимым, скроенным из более твердых материалов, нежели существо из плоти и крови. Проклятое болезненное разочарование. Пожилой человек положил голову Слейту на колени и навалился на него огромным телом, казавшимся хрупким, словно мешок сухих листьев. Слишком легким для «мертвого груза».

Скип смотрел на Слейта, и в его глазах по-прежнему плескалось обычное веселье, но уже начинали меркнуть искры жизни. Их темно-зеленый океанский цвет тускнел.

— Чего именно тебе не хватило, сынок? Моря, воздуха или земли?

Слейт ненавидел, когда Скип называл его «сынок». Уважаемый всеми руководитель группы, как правило, называл сынком кого-нибудь из команды — или чаще не из команды — сделавшего что-нибудь настолько феноменально глупое, что вся операция пошла под откос. Но он никогда не называл так Слейта. До сего момента.

Оказавшись здесь, Слейт приобрел печальную известность и носил прозвище «Акула». Обычно все звали его только так. Но командир был в ужасном состоянии, куда худшем, чем Слейт с его охрененно кровоточащим плечом. Скорее всего, серьезное ранение. Не смертельное, если удастся вовремя остановить чертово кровотечение. Но не настолько серьезное, как ужасающая дыра в животе командира. Если Слейт когда-нибудь узнает имя идиота, переславшего им ошибочные координаты, то порвет убудка на куски.

— Seriously? — прорычал он осипшим голосом, пытаясь говорить тихо. — Где упоминается о песке и скалах, старик? Нигде. Переводясь во флот, не рассчитываешь, что твой зад засунут в песок. Меня приняли из-за моего умения плавать на лодках. Может, я многого не знаю, зато знаю это.

— Ой, получается, тебя призвали только ради твоего таланта цеплять на пляже девчонок, да, Акула? Кого ты хочешь обмануть, Гарвард? Тебя призвали, потому что у тебя ум, как стальной капкан, и ты стал лучшим снайпером на этой гребаной планете, — большое тело сотряслось в приступе кашля, и на лицо Слейта попало несколько капель крови. — Кончай ныть.

— Помолчи, Скип, — прорычал Слейт. — Береги силы.

— Слишком поздно для меня, Гарвард. Ты делаешь хорошую мину при плохой игре, и мы оба это знаем, — командир обвил пальцами запястье Слейта. — Просто сделай мне одолжение, когда вырвешься из этой чертовой адской бездны, ладно?

— Что угодно, Скип. Ты же знаешь, для тебя я все сделаю.

— Тогда вернись домой целым и невредимым. Вспомни о своем образовании и сколоти состояние на Уолл-стрит. Или вернись к ловле омаров на Нантакете или к любой другой херне, которой занимался раньше.

«Остров Пиберри», — мысленно исправил Слейт.

Он практически забыл, как выглядит дом. Так или иначе, командир был прав, впрочем,

как и всегда. Бескрайние песчаные пляжи. Песок, песок и еще раз песок. Просто... совершенно иной проклятый песок. Песок, искрящийся под летним солнцем, с копошащимися в нем моллюсками и крабами, с гладкими цветными камнями и ракушками разных форм. Простор, пестрые полотенца, расстеленные на тихой глади. Бикини.

Жарящие хот-доги подростки. Малыши со стекающим по подбородкам персиковым соком, омывающие ноги в прибое. Витающий в воздухе кокосовый аромат солнцезащитного крема.

Совсем. Не так. Как. Здесь.

На Слейта волной накатила ностальгическая тоска по месту, которое он когда-то был слишком рад оставить позади.

«Дом».

Ему нужно было убираться отсюда к чертовой матери. Валить домой. Четыре контракта — слишком, мать вашу, много. Ум Слейта больше не мог переварить все это дерьмо.

Пожилой человек снова содрогнулся в конвульсиях. Кровь сочилась из его рта и лилась из зияющей дыры в животе. Скип сжал пальцы на руке Слейта.

— Акула, позаботься о моей девочке. Поклянись мне.

— Клянусь, — прошептал Слейт покойнику в своих руках. Глаза начало щипать, и он, закрыв их, сглотнул внезапно вставший в горле ком. — Позабочусь, Скип. Можешь на меня рассчитывать.

Надвигался шторм.

Стоя возле грубо сколоченного стола, Слейт педантично осматривал разложенные на нем круги теста с сочными фруктами и сливками. Все, чего он хотел — один пирог. Вкуснейший пирог.

Прежде чем Слейт успел выбрать, стоящий перед ним клиент закончил оплачивать покупку и шагнул назад.

Прямо на Слейта.

«Мужчина или женщина?».

Он не знал. Полностью сосредоточившись на выборе, Слейт не обращал внимания на человека перед собой. Скрывавшая покупателя башня из коробок пошатнулась. Пара затянутых в джинсы ног споткнулась, и покупки накренились вправо, влево, а потом вниз.

Удар. Плюх. Брызги. Не менее трех жертв.

Слейт инстинктивно схватил падающего человека за то место, где — предположительно — должны быть локти. Своими мозолистыми пальцами он коснулся рукавов совершенно непрактичной шелковой блузки, едва прикрытой жилетом.

Значит, женщина. Определенно, женщина. Она извивалась в его захвате, как угорь, перенося вес с одной ноги на другую в попытках поймать равновесие и удержать коробки. Слейт окружил женщину руками и, притянув к себе, выровнял как ее саму, так и коробки.

Тут же его окутал манящий аромат дикой земляники. И причиной тому были не несколько пирогов — кажется, яблочных, тыквенных и ореховых — ставших жертвами столкновения, в результате которого развалились на куски и своей ароматной начинкой обрызгали дощатый пол.

Слейт вместе с удерживаемой им женщиной продвинулся вбок, пока она не поставила уцелевшие картонные коробки на стол. Тогда она обернулась.

У Слейта отвисла челюсть.

Стоило Холли Харпер его заметить, как слова благодарности застыли у нее на губах, а зеленые глаза широко распахнулись.

Глаза, в которых бурлило море, напоминавшее Слейту о другой паре глаз, померкнувших в момент, когда кровь их обладателя просачивалась из тела и окрашивала песок пустыни.

— Ну, это, конечно, неожиданно, — прокомментировала Мейси Бейтс — главный специалист по пирогам на Пиберри — осматривая красочный беспорядок и Слейта с женщиной в его руках. Блеск глаз пожилой женщины и выгнутые брови давали основания полагать, что встреча Слейта — блудной островной легенды — с Холли — только прибывшей на остров чужестранкой — вызвала огромный интерес.

— Никто не ждет испанскую инквизицию!¹ — хором ответили Слейт и молодая женщина.

Глаза Холли стали больше прежнего, и в них замерцал намек на неудержимое веселье.

«Иисус», — в точности, как у Скипа.

Слейт таращился на женщину, в ужасе вспоминая последние слова ее отца и свое обещание умирающему командиру. Клятва, невыполненная до сих пор. Незаконченное дело терзало Слейта. Он ненавидел сбегать от поставленных задач. Это шло вразрез с его

природой, которую кто-то мог бы счесть даже слишком твердой. Но данный случай был одним из тех, когда только дурак примется за дело, предварительно не изучив поле боя. И персональное поле боя Слейта стояло сейчас перед ним, отчего его тело охватывала специфическая дрожь, скручивавшая мышцы. В последний раз, когда накатывали подобные ощущения, забивавшие голову ватой, отец Холли захлебывался собственной кровью, смешивавшейся с парой пинт первой отрицательной Слейта.

— О, мой Бог! — расхохоталась Холли и, попятившись еще на шаг, чуть не повалила стол вместе со спасенными Слейтом пирогами. — Монти Пайтон! Кто бы мог подумать, что легендарная песчаная Акула окажется поклонником Пайтона?

«Песчаная Акула?».

Неудачное прозвище воскресило в памяти все, что Слейт пытался оставить позади. Замерев, он сжал губы, сдерживая угрюмость и угрозу, готовые прорваться наружу при упоминании снайперского прошлого.

«Холли меня узнала? Но как?».

Некоторое время после увольнения Слейт искал ее, но все ниточки вели в тупики, будто она бежала от чего-то, и очень не хотела быть найденной. А с приобретенными в бою навыками Слейт, будь он проклят, чертовски хорошо умел искать людей.

Так что да. Весьма любопытно и странно, что Холли неслась ураганом, а потом неожиданно и почти в буквальном смысле приземлилась прямо Слейту в руки на острове Пиберри.

Он покинул родной город много лет назад, но после отставки вернулся, надеясь найти безопасный знакомый порт в эмоциональном шторме бывшего спецназовца. Слейт остро нуждался в привычном распорядке и известных с детства традициях.

Регламентированная жизнь пехотинца, на которую он рассчитывал при поступлении на службу, превратилась в хаос и суматоху. Сначала обучение в BUD², позже — школа снайперов, а затем зачисление в отряд особых операций.

Тьма по-прежнему не давала покоя, особенно ночами и в короткие темные предрассветные часы — время без света в душе — пока весь остальной мир спал. Слейт постоянно просыпался в холодном поту, иногда с криками, и едва осмеливался снова закрыть глаза, перед этим не приняв обезболивающего в виде бренди.

Так что, да. Он вернулся на Пиберри, как и велел Скип. Но в покинутом доме больше ничто не было прежним. Суть вещей изменилась.

Слейт четко придерживался графика, помогавшего ему жить. Рыбалка по утрам со своим стариком. Рыболовные круизы в выходные. Редкие поездки до материка и обратно, если паромщик не мог выйти на службу. Помощь матери на ягодной ферме.

Так он не позволял себе заикливаться на прошлом. На том, что сделал. И на том, чего не сделал.

Однако Слейт все равно не вписывался. Люди больше не принимали его. Они ходили перед ним на цыпочках, будто перед тикающей бомбой. Порой Слейту приходилось прилагать усилия, чтобы сдержать взрыв в груди, готовый, если только позволить, превратиться в холодный первобытный гнев. Но железный самоконтроль был одной из черт, на которые Слейт всегда мог положиться. А теперь он полагался на железную волю и внутреннюю силу даже больше, чем когда-либо.

Также Слейт полагался на повседневное однообразие будней. Быть может, всего лишь колея, зато безопасная и удобная. За исключением ночей. Ночами Слейт чинил маяк,

приобретенный на внушительную заработную плату, или же читал, пока не отяжелеют веки. Он пытался отложить сон, где ждали беспощадные ужасы ночных кошмаров, загонявшие его обратно в бутылку.

Но тогда приехала Холли, напоминая Скипа и день, который Слейт больше всего на свете желал забыть. С тех самых пор, возвращаясь с парома или рыбалки, он издалека измученно поглядывал на Холли и проверял, как у нее дела. Слейт с интересом наблюдал за тем, как она приобрела огромный дом Пиберри с выходящими на песчаный пляж гигантскими верандами. Согласно островным сплетням, Холли планировала превратить обветшалый особняк в гостиницу для туристов на лето, для антикваров и любителей осенних деньков. Деньков вроде сегодня. По слухам, старое дурное место до сих пор напоминало развалины, куда Слейт навещался в детстве.

И все же, благодаря инциденту с пирогами, Слейт и Холли оказались ближе друг к другу, чем когда-либо прежде. Честно говоря, до сего дня Слейт ни разу не пытался заговорить с ней или даже подойти.

«Лучше не надо, — предупреждал голос у него в голове. — Разве ты еще не наигрался с огнем?».

Теперь же, стоя вплотную к Слейту, Холли пробуждала все его чувства. Волосы ее пылали, словно каждый локон был языком пламени, переливавшимся на свету огнями преисподней. Когда она пошевелилась и отбросила за плечо длинные вьющиеся пряди, стало видно несколько завитков цвета темной вишни. Будучи так близко к ней, Слейт уловил ее запах — аромат сладкой свежей земляники такой вкусной, что рот наполнился слюной.

«Сбитый с толку» и «оторопевший» даже на сотую долю не описывало состояние Слейта. Глубоко вдохнув, он поднял взгляд к небу. Если бы Слип наблюдал за ними откуда-то сверху, то, вероятно, проклял бы Слейта за реакцию на его дочь.

— Ты всех спас, Слейт, — сказала Мейси, снова привлекая к себе внимание.

— Конечно, спас он, — пробормотала Холли.

— Разве нет? — скривила губы женщина. — Наш Слейт всегда был кем-то вроде героя. Хотя ожидаемо, что чужак не может этого знать.

— Я уже не чужак. Я живу здесь с конца августа. К тому же мы со Слейтом...

Он ткнул Холли локтем в бок, убеждая молчать.

— Ты рассказывай дальше, — наклонившись вперед, Мейси навалилась на прилавок и подперла руками подбородок.

Но тогда ее орлиный взор соскользнул вниз и остановился на упавших пирогах — хлебно-фруктовой каше посреди дощатого настила палатки — скользком месиве, которое потенциальные клиенты обходили стороной.

— Возможно, я поторопилась с выводами о спасении, герой.

Слейт вздрогнул. Он не был никаким проклятым героем, никогда не хотел им становиться и не просил почестей.

Он даже не явился на парад в честь его возвращения домой, вместо этого предпочтя счищать моллюсков с корпуса купленного им старого траулера³ и полировать древнее ведро болтов, пока оно не начинало сиять. Порой Слейт не выносил находиться среди людей, никогда не бывавших в аду.

Мейси на мгновение исчезла, наклонившись под стол. Затем она выпрямилась и обошла прилавок, держа в руках метлу, совок и два рулона бумажных полотенец. Мейси вручила их Слейту и Холли.

— Давайте-ка, ребятки, — она подмигнула Холли. — Приходи завтра к нам в кафе на чашечку кофе и кусок домашнего пирога. И тогда сможешь рассказать мне все о вас со Слейтом.

— Да нечего там рас... — начал он, но Мейси уже ушла обслуживать следующего клиента — парня, продававшего рождественские венки и самодельные елочные украшения.

Клайд Гибсон смущенно стоял у прилавка подальше от бардака на полу и, стараясь не растянуться перед столом, указывал на пирог с бостонским кремом.

Слейт уже не знал, что связывало его с ребенком Скипа.

Больше, чем провальная миссия. Теперь, когда он встретился с Холли лицом к лицу, его тело пришло в состояние боевой готовности, все мышцы подрагивали от дикой похоти, мошонка напряглась, а член радостно отплясывал джигу. И лишь мозг оставался вялым и глупым, слишком медлительным, чтобы доставить сообщение по телеграфу несущейся в неверном направлении крови. В направлении, противоположном данной Скипу клятве.

Слейт принялся орудовать метлой и совком, в то время как Холли возилась на полу, очищая доски с помощью бумажных полотенец и бутылки моющего средства.

— Между прочим, я — Холли Харпер.

— Я знаю, кто ты.

Остановившись, она посмотрела на него, переваривая лакомый кусочек информации. Зеленые глаза заблестели, отражая ум и любопытство. Но потом Холли кивнула, словно не было ничего естественней того, как они со Слейтом изучали друг друга.

— Итак, Монти Пайтон? — повторилась она, меняя тему. — В пустыне?

— В той большой песочнице порой бывает очень скучно, — наконец сказал он и пожал плечами.

— Но не тебе. По крайней мере, так мне говорили.

— Даже мне, — Слейт помолчал. — А еще там мрачно. Однако подозреваю, ты уже сама все знаешь. Иногда юмор — единственное, что держит тебя на плаву.

— Может, вы все-таки представитесь, капитан Клайборн? Самое время, вы так не считаете?

— Кажется, ты итак многое обо мне знаешь. Включая мое имя, звание и личный номер военнослужащего.

Наверняка Холли знала не только звание, но и все его продвижения по службе. После миссии, стоившей Скипу жизни, Слейта повысили, а потом еще раз, когда он заявил о своем желании отправиться домой. Вооруженные силы пытались его удержать. Раз за разом.

— Да, ну, в общем, папа постарался. Ты есть почти на всех присланных им фотографиях. Ты знал об этом?

— Нет.

Холли неотрывно следила за ним.

— А знал, что он велел мне тебя найти? — спросила она.

— Нет, — «твою мать». В стиле Скипа придумать запасной план на случай, если Слейт не проникнется. Но что, черт возьми, запланировал старик?

— Иначе как, по-твоему, я оказалась в маленьком деревенском заброшенном раю вроде Пиберри?

— Я как раз задавался вопросом, — годы тренировок и обучения помогли Слейту контролировать свои реакции и сохранять выражение лица нейтральным, а тон голоса сухим. — Предположил, что ты приплыла.

— Да, и, Боже, как же у меня устали руки.левой, правой, левой, правой, — покачала головой Холли. — Спасибо, Родни Дэнджерфилд⁴ или Генри Янгмэн⁵. Или какой там старый мертвый комик в тебя вселился.

— И все ради пирогов, — добавил Слейт без намека на веселье.

— Ладно, победил, — Холли рассмеялась и подняла ладони в жесте поражения. — Я ведь знаю, что ты, даже если захочешь, не сможешь быть глупым или рассеянным, Гарвард.

Ничего себе. Гарвардом его называл Скип, если был раздражен, поэтому сейчас прозвище возымело эффект брошенной гранаты. При его упоминании Слейт судорожно вдохнул.

Родители радовались благополучному возвращению сына, однако он подозревал, что они озадачены его нежеланием пользоваться своими знаниями для чего-то большего, чем помощь в модернизации семейного бизнеса. Но все, чего хотел сам Слейт — поспать. Хотя бы раз проспять всю ночь напролет.

Тем не менее, он никогда не считал Скипа болтуном. Что еще старик рассказал Холли?

— Но ты не знаешь моего характера, не так ли, рыжая?

— Возможно, нет. Но я слышала, что ты чертовски опасен, капитан Клайборн. И я говорю не о стрельбе.

Осмотревшись, он удостоверился, что никто ее не услышал. На них смотрело множество глаз, множество шей было вытянуто, и множество ушей приготовились подслушивать. Все знали, что Слейт служил, и военно-морской флот приписал ему такую кучу убийств, какую не должен навешивать на свое имя ни один смертный человек. Вот только никто на острове Пиберри понятия не имел, что Слейт делал. Что видел. Что пережил.

По возвращению домой он слышал перешептывания, но, возможно, о Холли ходили еще более дикие слухи. По крайней мере, здешние люди помнили его еще мальчиком и подростком, а семья всегда была рядом, чтобы подавить худшие сплетни. Холли же оставалась чужаком, а учитывая подозрительное отношение местных жителей ко всем приезжим, ее, вероятно, всегда будут считать незнакомкой.

Она представлялась им неизвестной переменной, полным комплектом бесконечных сплетен, новой тайной, ждущей своей разгадки.

Сексуальной желанной тайной, от которой Слейт растекался, словно оледеневшая за морозную ночь вода.

Он нахмурился, недовольный тем, что красочный фейерверк на полу сделал его центром островного внимания, в то время как больше всего на свете ему хотелось слиться с мебелью.

Как бы Слейту ни нравилась словесная перепалка, но необдуманные комментарии Холли поражали его подобно шрапнели, попадавшей слишком близко к темным запертым закоулкам души, которые нужно было отчаянно защищать.

Холли подбоченилась и, склонив голову набок, оценила Слейта. Солнечные лучи подсвечивали ее волосы, выделяя столько оттенков рыжего цвета, что Слейт почувствовал себя загипнотизированным.

— И в чем же дело, Акула? Мне повторить на пушту или арабском языке?

«Твою мать».

Очевидно, эта женщина говорила все, что придет в голову. Будь на ее месте мужчина, Слейт бы уже его разукрасил. Но Холли Харпер... в его присутствии большинство женщин замолкали и чувствовали неловкость, будто говорить с ним было крайне опасно, сродни прогулке по минному полю без бронезилета. Только не Холли Харпер. За словом в карман

не лезет, этого у нее не отнять.

Слейт снова осмотрелся. У него в голове выла сирена, и мигали сигнальные огни.

— Разве никто не знает, что ты побывал в Афганистане и Ираке, Акула?

Он указал на нее пальцем.

— Слушай ты, рыжая, сделай-ка мне одолжение. Больше не называй меня так. Тебе не говорили, что не стоит дразнить большую плотоядную рыбу с длинными острыми зубами?

Холли лучезарно улыбнулась, отчего у нее на щеках появились ямочки.

— Но мне так нравится, когда ты заглываешь наживку!

То, что он редко делал. В любом случае, как она догадалась? Ладно, что-то в ней цепляло его. В первую очередь наглость и храбрость в ответ на его холод. И великолепная улыбка. Иисус. Холли улыбалась так, словно выбрала своей личной миссией раздражить Слейта и сманить с пути истинного. Все в сумме делало с его нутром нечто нехорошее. Очень, очень нехорошее.

Слейту не хотелось провоцировать Холли, но любопытство пересилило осторожность.

— Ты знаешь пушту?

— Ну, гм, пару слов, — она казалась застенчившейся. — Однажды я решила, что неплохо будет научиться, поэтому купила книги и обучающие диски. Но не сумела довести дело до конца.

Так же, как купила дом Пиберри и оставила все попытки его починить?

— Могу научить, — слова вылетели изо рта прежде, чем Слейт успел их осознать. Что, черт возьми, на него нашло? Не в его характере быть настолько порывистым. Ради всего святого, ему хотелось забыть как пушту, так и все с ним связанное, а не давать уроки.

— Нет, спасибо. Когда папу послали в Ирак, у меня пропал весь интерес. Если честно, даже раньше. Однако мы должны поговорить, ты и я.

— Мы должны? — выгнул бровь Слейт. — И где тебя черти носили?

— Ты о чем? — непонимающе уставилась на него Холли. — Я пытаюсь превратить дом Пиберри в гостиницу. Я думала, все об этом знают. Разве ты не в курсе? Ты живешь в пещере или где-то вроде нее?

— На маяке, — пробормотал он. Слейт отвернулся, избегая ее испытующего изучающего взгляда. Ему очень не хотелось рассказывать о том, как он после смерти Скипа искал ее и узнал, что она пустилась в бега.

— Как бы то ни было, я надеялась, что однажды мы столкнемся, капитан, — пожала плечами Холли. — Подумала, что уж на зимний фестиваль-то ты придешь.

Зимний фестиваль был изюминкой острова и проводился в начале декабря после того, как разъезжались летние туристы. Ярмарка привлекала лучших поваров, пекарей и ремесленников со всех концов Пиберри — и из некоторых других мест — чтобы выставить свои товары в маленьких киосках с обогревом или же в более крупных удобных шатрах.

Островитяне с нетерпением ждали фестиваля — последнего глотка воздуха, прежде чем задраить люки в преддверии надвигающейся суровой погоды. Когда последние осенние дни сменялись зимой, празднества не только не давали местным жителям умереть со скуки, но еще и приносили прибыль торговцам по окончанию пляжного сезона.

На ярмарке все запасались подарками и консервированными фруктами, подпитывавшими жителей на протяжении долгих темных месяцев снега, ветра и изоляции. Слейт уже заполнил свой грузовик запасами цукини, помидоров и соусов, предвидя много ночей с макаронами — его лучшим кулинарным творением.

Мейси Бейтс была главным организатором фестиваля. Почему бы и нет, если ее кафе стало здешней Меккой, а пироги славились на всю Новую Англию, как местная достопримечательность? Но ссориться с Мейси не стоило, ведь язык у нее был не хуже помела.

Не зная, как реагировать на агрессивную настойчивость Холли, Слейт принялся за дело, очищая дощатый настил перед прилавком Мейси. Он методично и четко орудовал метлой и совком. Ему не хотелось разговаривать. Работа была единственным способом держать себя в руках и не огрызаться на Холли.

Но Иисус. Она стояла на четвереньках, с рулоном бумажных полотенец и пластиковой бутылкой моющего средства. Вот только по мере того, как Холли убирала беспорядок, он лишь разрастался в геометрической прогрессии. Слишком хорошо зная об интересе Мейси, Слейт закрыл рот и, стиснув зубы, воздержался от приказов.

Вид приподнятых бедер Холли казался проблеском рая.

— Все сделано.

Отведя взгляд от ее дразнящего тела, Слейт отогнал непристойные мысли о том, что хотел бы с ней сделать, и посмотрел вниз на дощатый настил. И снова его рот открылся от удивления. Определенно, эта женщина была полна сюрпризов. Несомненно.

Холли вскочила на ноги и вытерла руки последним оставшимся бумажным полотенцем. Деревянный пол блестел, будто инцидента с пирогами не было и в помине.

Как, черт возьми, она умудрилась?

«Во что я ввязался?».

«Акула, позаботься о моей девочке», — снова резанули разум последние слова Скипа.

Давая обещание умирающему командиру, Слейт представлял себе маленькую девочку с косичками. Он не рассчитывал встретить рыжеволосую сирену, подбоченившуюся и осматривающую все вокруг зелеными глазами, не упускавшими ни единой детали.

Слейт намеревался исполнить клятву.

Но как ему, черт возьми, сберечь Холли, если теперь ей понадобилась защита от смертоносного, травмированного, неуступчивого человека с мертвым сердцем, возжелавшего ее каждым вообразимым способом?

Инь встречает Ян. Ночь встречает день. Непреодолимая сила встречает недвижимый объект.

Все навязчивые мысли импульсивного разума Харпер трепетали, как крылья колибри. Слейт Клайборн потряс ее, словно толчок землетрясения. Подрагивая от волнения, она не знала, прыгнуть ли в его руки, чтобы забраться на него, или же с криком убежать в противоположном направлении.

«О да, ты ведь все понимаешь, хорошая девочка», — напевал ангелок на ее плече.

«Опасность, Уилл Робинсон!»⁶, — предупреждающе кричал чертеночек со второго плеча.

Зачем отец велел Холли разыскать бывшего морского пехотинца? Папино посмертное письмо — с указанием не вскрывать конверт до встречи с капитаном Клайборном — уже прожгло дыру под ее подушкой в доме Пиберри, все еще запечатанное и непрочитанное. Неужели папа думал, что печально известный солдат по прозвищу Акула уберезет ее от заведомо ошибочного выбора?

Один лишь взгляд на израненного бывшего пехотинца, и Холли стала болтливой, плюс ко всему растеряв всю тактичность, которая и в обычное время была хрупка, а теперь буквально висела на волоске.

— Итак, как насчет того, чтобы помочь мне довести остатки пирогов до дома Пиберри, капитан? А там посмотрим.

Слейт сжал челюсти, квадратные и угловатые, словно выкованные из металла, и с такой силой стиснул зубы, что у него на щеке задержалась мышца. Холли чуть не рассмеялась тому, как выражение лица капитана стало ошеломленным, серые глаза с отливом цвета пушечной бронзы перестали моргать, а брови взлетели вверх, напоминая арки логотипа McDonald's. Но упомянутое лицо опустошило ее. Если на присылаемых папой фотографиях Слейт казался суровым красавцем, то при виде этого гиганта во плоти у Холли перехватило дыхание, колени превратились в желе, а в животе начало что-то плавиться. Черт, еще секунда, и она начала бы кашлять, чтобы втянуть в горло хотя бы глоток воздуха, как если бы греховно горячий пехотинец выжег из атмосферы весь кислород. Умереть и не встать. От Слейта волнами исходила грубая подавляющая мужественность.

И все же улыбчивое лицо с фотографий, на которое Холли частенько пускала слюнки, исчезло. Не разучился ли стоящий перед ней мрачный мужчина улыбаться? Выражение его глаз ощутимо изменилось, а острый чрезмерно напряженный взгляд сосредоточился на Холли, но... был словно на расстоянии миллионов миль от нее. Несмотря на забавные колкости, которыми они обменивались по поводу упавших пирогов, в его глазах не было ни единого проблеска веселья. Господь свидетель, сама Холли тоже время от времени чувствовала всепоглощающую горе, накрывавшее ее в самые неожиданные моменты и напоминавшее об утрате. Но то, что терзало Слейта, было куда глубже, будто он падал в темную бездну тоски и не мог найти путь обратно.

«Мне нужно помочь ему. Я должна показать ему дорогу».

«Ага, удачи с этим, девочка», — снова напомнил о себе ангелок, но Холли лишь тряхнула волосами и скинула его и чертенка прочь вместе с их громкими голосами.

Да, и что дальше? Ладно, возможно, она не очень-то хорошо управлялась с отверткой и гаечным ключом, но если речь заходила о мужчинах, то, как и в случае с древними

зданиями, верила в старую школу.

По общему признанию, опыт Холли по части «сделай своими руками» гарантировал, что ее со скандалом уволили бы из любой команды мастеров. Правило Pottery Barn⁷ «сломала — покупаешь» мало для нее значило. Она не была чертовым доктором, поклявшимся «не навреди». Скорее кошкой, чуть не умершей от любопытства.

Однажды она попыталась разобраться в мыслительных процессах мужчины, но разложив все по полочкам и посмотрев на крутящиеся у него в голове шестеренки, обнаружила, что не может сложить картину воедино, поскольку все равно оставались какие-то лишние детали. В итоге Холли бросила это неблагодарное занятие и, послав его куда подальше, с криком: «Беги, детка, беги» понеслась прочь так, что визг шин был слышен даже на Святой земле. Последний «эксперимент» по изучению мыслительных процессов сильной половины человечества граничил с психопатом, и когда она сообщила ему о завершении, он чуть не превратился в преследователя, вынудив ее залечь на дно.

И все же, когда Холли смотрела на стоящего перед ней красивого мужчину, внутри нее развязывался какой-то жизненно важный узел. Слейт страдал, и его боль казалась осязаемой, пульсирующей. Темные щупальца обернулись вокруг Холли, сдавливая так отчаянно, что она болела за него всем своим существом. В следующую секунду Холли чуть не разрыдалась. Отчаяние подтолкнуло ее к действиям. Ей хотелось вернуть виденную ею на фотографиях — а ныне потерянную — дьявольскую искру жизни.

«Может, он и известен, как Акула в море песка, — писал ее папа, — но на самом деле Слейт — тот еще шутник».

Теперь Холли не видела этому подтверждений.

«Папа послал меня помочь ему? Но как?».

Учась в колледже, Холли подумывала о карьере психолога. Однако стоило ей узнать, что придется часами обрабатывать статистические данные, как она перестала посещать курс.

У Холли не было нужных навыков, чтобы разгадать стоящую перед ней темную головоломку, но она знала мужчин.

Будто почувствовав направление ее мыслей, Слейт покачал головой.

— Что бы ты ни задумала, нет.

Больше не проронив ни слова, он взял стопку коробок и направился в сторону автостоянки.

«Умереть и не встать!».

Значит, рыцарство еще живо. Бывший офицер. Джентльмен. Большой, сексуальный молчаливый самец, несущий кучу пирогов, не прилагая для этого никаких усилий. Тех самых пирогов, из-за которых Холли чуть не растянулась на полу возле прилавка Мейси.

«Господи. Каково было бы заняться любовью с этим сильным великолепным образцом мужественности? Ла-а-адно. Как насчет рискнуть?»

Что угодно, лишь бы принести Слейту успокоение и комфорт. Вернуть на его лицо спокойную улыбку с фотографий.

«Ага, точно», — да кого она разыгрывала?

Холли сама была без ума от Слейта и так сильно его желала, что ее груди стали сверхчувствительными, готовыми к действиям и прикосновениям больших мужских рук. Соски затвердели и, напрягшись, начали тереться о шелковую блузку. Холли уставилась на прекрасный, крепкий, обтянутый джинсами зад шагавшего по ярмарочной площади Слейта. Наблюдая за ним, она чувствовала, как у нее намокает нижнее белье. Длинные, ловкие,

четкие шаги по изрытому колеями пути.

Горячая и мокрая для него.

Даже самые яркие фантазии не подготовили Холли к такому. Она заставила себя отбросить идею обвить Слейта своим телом и, оказавшись плотью к плоти, позволить ему сделать все, чего бы он, черт его дери, ни пожелал. Вот только Холли не думала, что Слейт хочет заняться чем-нибудь, требующим ее участия.

Вызов, проигнорировать который она не могла.

Чтобы поспевать за широкими мужскими шагами, Холли ускорила и дышала, как во время пробежки, зато ей, в конце концов, удалось нагнать Слейта. Он замедлился, и появилась возможность осмотреть его снова, от обутых в крепкие «тимберленды⁸» длинных ног вверх, к сине-зеленой фланелевой рубашке под джинсовой курткой с подкладкой из флиса, а потом обратно к лицу. При малейшем движении становились заметны огромные мышцы — тело, за которое не жаль умереть. Очевидная физическая сила была результатом военной службы и долгих часов работы с сетью на траулере под парусом. Совсем не как в спортзале, что манило Холли и влекло. Сильный мужчина. Мужчина, который всегда защитит женщину. С лицом и телом, способным заставить ее ворочаться ночами в своей постели и, сгорая от похоти, изнывать от боли между ног. Когда Слейт остановился и перехватил стопку коробок, Холли просто не смогла сдержаться. Она потянулась — для этого ей пришлось встать на цыпочки — и провела пальцами по его густым темно-каштановым волосам, намеренно их взлохмачивая. По-военному короткая стрижка, какая была на фотографиях, стала теперь длиннее. Однако Слейт все равно педантично зачесывал волосы, делая сбоку пробор четкий, как вырубленный мачете путь в джунглях.

— Мне нравится, когда ты немного лохматый, — доверительно призналась Холли.

— Иисус. У тебя вообще нет никаких рамок, да? — он сердито глянул на нее и, положив коробки на капот соседнего автомобиля, запустил пальцы в свои взъерошенные волосы. Попытка восстановить некое подобие былой прически с треском провалилась, и одна своенравная прядь упала на лоб. Ворча, Слейт раздраженно откинул выбившийся завиток назад.

— Думаю, нет, — ответила Холли. — Более того, если дело касается тебя, я не собираюсь их устанавливать.

— Холли, мы только встретились.

— Но, честно говоря, я не чувствую, что мы незнакомцы. Папа никогда обо мне не рассказывал? Мне о тебе рассказывал. Кроме того, я — овен. Привыкай.

С растрепанными волосами и озадаченностью на лице Слейт выглядел почти мальчишкой, вернее выглядел бы, если бы не волна исходящей от него чистой первобытной жажды, поражающей Холли, словно удары.

— Ты понятия не имеешь, о чем я говорю, да?

— Овен — созвездие. Я же моряк.

— Также овен еще и знак зодиака. Ты знаешь, что такое гороскоп? На самом деле, из-за равноденствия даты больше не выровнены с созвездиями.

Глаза Слейта немного потускнели.

— Овны импульсивные, порывистые, нетерпеливые и смелые, — Холли продолжила болтать, несмотря на учащенное дыхание после быстрой ходьбы. — Полагаю, овны обладают всеми чертами, какими не обладаешь ты.

— Я тоже бываю нетерпеливым, — нахмурился он, будто речь шла о положительном

качестве. Судя по брошенному на Холли взгляду, в данный момент его нервы были несколько расшатаны.

— А учитывая твою последнюю занятость, я подозреваю, что ты еще и смелый.

— Возможно, — признал Слейт. — Но не по характеру или выбору, — он пожал плечами. — В любом случае, теперь я — рыбак. И при необходимости управляю паромом.

— Но все равно по большей части ты серьезный, целеустремленный, трудолюбивый, мудрый, отчаянно преданный, сильный, с виду неприступный, но с начинкой из мягкой теплой нуги. Я бы сказала, что ты — стопроцентный козерог. Готова поспорить, в душе ты тайный романтик, но никогда не показываешь этого миру. Когда у тебя день рождения?

— Нам обязательно играть в эту дурацкую игру?

— Обязательно. И она не дурацкая. Ты бы удивился, узнав, какой бывает астрология. Я ошиблась насчет тебя?

— Ну... — Слейт замолк, и на несколько секунд воцарилась тишина.

— Я приму твой ответ в качестве признания моей правоты, — усмехнулась Холли.

— Ладно, — больше он ничего не сказал, и ей, невзирая на ответы, захотелось его встряхнуть.

— А еще ты разговорчивый, — она постучала ногой по земле и скрестила руки, ненароком привлекая внимание к своей груди.

Но Слейт не понял намека.

«Типичный мужчина», — мысленно застонала Холли.

— Взгляд вверх, моряк, — она щелкнула пальцами у него под подбородком и вынудила поднять глаза. — День рождения? — снова потребовала Холли.

— Через пару недель, — наконец ответил он с таким трудом, словно признание вытянули из него под страхом пыток.

— Так я и знала, — опять щелкнула пальцами Холли. — По-прежнему ничего не понимаешь?

— Не понимаю чего?

— Того, что мы абсолютно несовместимы. Как небо и земля. Черепаха и заяц.

Слейт бросил на нее очередной недовольный взгляд, а потом посмотрел на выход, словно размышляя, как быстро сможет отсюда сбежать.

— О, подожди. Раз я погладила тебя против шерсти, ты передумал мне помогать?

Вместо ответа он разъяренно схватил Холли за руку и, развернув, тянул на себя, пока она не налетела на его очень твердую грудь. Тогда Слейт впился поцелуем в ее губы, жестко, резко и требовательно. Не оставляя ей ни капли личного пространства. Шокируя до потери дара речи.

«Стоп! И я думала, что этому мужчине не хватает спонтанности? О, мои обожаемые булочки с корицей!».

Холли понятия не имела, как долго длился поцелуй. Возможно, секунду...а возможно, годы. Вероятно, эры.

Быть может, она даже потеряла сознание, поскольку у нее закружилась голова, мозг перестал функционировать, а все мысли испарились. Быть может, Холли вообще умерла и попала на небеса. Нет. Развращающие прикосновения приоткрытого рта Слейта, проникновения его языка ...

О, Господи, ощущение твердых горячих губ... не могло быть ничем иным, кроме как раем на Земле.

Несмотря на несколько дюжин лягушек и жаб, перецелованных Холли за всю ее взрослую жизнь, она ни разу не целовалась вот так.

Горячо, жаждающе, голодно и нереально. У нее в голове взвыл сигнал тревоги, а груди отяжелели от настораживающего вожделения, воспламенявшего кровь, громами и молниями помчавшуюся к промежности. Если прежде трусики Холли были просто влажными, то после опалющего поцелуя промокли насквозь.

— И кто теперь импульсивный? — отстранившись, Слейт начал поднимать голову, и его слова отдались гулом у ее поддразниваемых теплыми выдохами зацелованных губ. — А тебе к лицу молчание, рыжая.

— О, нет, — Холли дернула его обратно, сжимая на нем свой захват и совершенно не обращая внимания на зевак или любых других возможных свидетелей. Отпечаток рта Слейта до сих пор обжигал, словно пламенные татуировки на ее губах. Холли знала, что будет еще целую вечность чувствовать на себе клеймо его жестокого обладания. Запустив пальцы Слейту в волосы, она попыталась притянуть его к себе для еще одного поцелуя.

Но он лишь расставил ноги шире — по-прежнему упрямый непоколебимый субъект. Вот уж точно несговорчивый морской козел.

— Парень, я сейчас к черту сгорю. И тебе не сбежать.

— Я и не пытаюсь, — пробормотал Слейт.

— Пунктик овна.

Он внимательно посмотрел на Холли с дразнящим светом в глазах, но даже эти краткие искры почти сразу же исчезли. Слейт не приблизился к Холли ни на шаг.

Она вздохнула. Ей хотелось вновь увидеть его веселье почти так же сильно, как и того, чтобы он схватил ее в свои руки и овладел ею.

— По-прежнему считаешь нас несовместимыми, а, рыжая? — спросил Слейт. — Небо и земля? Черепаха и заяц?

Он не подмигивал, однако его голос выдавал насмешку. Слейт был удовлетворенным, торжествующим, немного развеселенным.

«Ему весело! — это взволновало бы ее, если бы не... — Господи, типичный мужчина!».

Иисус. Что там насчет высокомерия? Холли все равно хотела поцеловать его, вести себя с ним соблазнительно и грязно, позволить ему... черт возьми. Нет.

«Холли, будь женщиной. Ты должна противостоять самодовольному дьяволу».

Отпустив его волосы, Холли пошатнулась и попятилась на шаг.

— Что, нечего сказать? — Слейт склонил голову набок и, изучив Холли, потянулся за коробками с пирогами.

— Как насчет того, чтобы гадалка решила? — Холли указала на стоящий невдалеке шатер.

— Я туда не пойду, — покачал головой Слейт.

— Давай же. Будет весело.

— Я знаю свое предназначение. Свою судьбу. И я ее проживаю. К тому же, не думаю, что будет хоть немного весело.

— Боишься того, что может сказать гадалка?

— Ты только что назвала меня трусом? — и вот, снова. Тот самый взгляд. Будто Слейт покинул фестиваль и оказался где-то в другом месте. Очень далеко отсюда. В прошлом.

— Я — последний человек в мире, кто назовет тебя трусом, капитан Клайборн, — намеренно мягко прошептала Холли.

— Ладно, — кивнул он.

— В таком случае, сходим?

— Конечно, хоть я и считаю твою затею бессмысленной. Почему бы и нет?

Хлопнув в ладоши, Холли подпрыгнула и схватила его за предплечье. Она почувствовала, как под джинсовой курткой и фланелевой рубашкой дрогнули мышцы.

— А как нам быть с твоими пирогами?

Холли никогда не слышала, чтобы простой вопрос о выпечных изделиях звучал настолько притягательно и эротично. Она попыталась проигнорировать пробежавшую по спине дрожь вождления.

— Пироги подождут.

— Мой грузовик стоит рядом. Я брошу их в кузов.

— Соревнования по метанию пирогов прошли сегодня утром, так что ты припозднился с бросками. В любом случае, на конкурсе используют ненастоящие пироги.

Покачав головой, Слейт скривил манящие губы, очевидно, обуздывая желание размазать по голове Холли банановый крем.

— И вообще, куда тебе столько пирогов? — он осмотрел сверху донизу ее тело. — По моему, ты не производишь впечатления женщины, ночами объедающейся сладким.

«Ох, твою мать».

Слейт убивал ее своими словами. В очередной раз Холли отогнала мысли о смятых простынях и лежащем на них большом, натренированном, совершенном мужском теле, перекусывающем яблочным пирогом, чтобы набраться сил перед очередным раундом горизонтальной гимнастики.

— Для особняка Пиберри, конечно.

— Не думал, что твои кровати и завтраки готовы к посетителям.

«Кровати? Ему непременно нужно было упоминать о кроватях?», — Холли откашлялась в кулак.

— Для моей гостиницы, — исправила она. — И она, ну... еще не совсем открыта. Я просто репетирую.

— И для репетиции ты купила полдюжины пирогов.

— У меня были свои причины.

— Дождаться не могу, когда их узнаю.

— Только после того, как мы получим предсказания.

Под темнеющим небом Слейт убрал коробки с пирогами в кузов своего грузовика и призвал на помощь всю имеющуюся силу воли, чтобы выкинуть из головы обжигающий поцелуй с Холли.

Твою мать, Слейту слишком понравилось.

Исходящий от нее аромат дикой земляники, дразнящий вкус, болезненное влияние ее прижавшегося тела и даже непослушные пальцы, спутывающие Слейту волосы. Черт, все перечисленное понравилось ему так охрененно сильно, что не могло обернуться ничем хорошим ни для одного из них.

«Небо и земля» даже близко не описывало их парочку. Холли — дочь Скипа, а Слейт, черт его дери, дал своему командиру клятву. Когда Скип просил позаботиться о его маленькой девочке, пожилой человек однозначно не подразумевал сексуального подтекста.

Кроме того, Слейт превратился в развалину без души. Был слишком искалеченным для нежных женских рук, слишком обезумевшим и отчаявшимся, чтобы темными ночами делиться с кем-то кровать. Пробуждения с криками и в холодном поту до сих пор терзали его. Часто Слейт сжимал руками подушку, выдавливая жизнь из затянутых в ткань перьев так, словно посреди сражения сворачивал шею врагу. Он не мог показывать свое шоу ужасов никому, не говоря уже о Холли. Христос, а что, если он причинит ей боль? Отличный способ выполнить обещание Скипу.

Так что, да. Заводить отношения, обреченные с самого начала...этому не бывать, несмотря на мучительное эротическое напряжение.

Слейт обернул коробки парусиной и стеганым одеялом, чтобы не помять картон о купленные ранее инструменты, банки с консервированными помидорами, яблоками и соусами для пасты. Будь воля его матери, он бы каждый вечер оказывался за ее столом.

Но...теперь Слейту была невыносима мысль о шумных семейных ужинах, поэтому он предпочитал уединение маяка.

Вокруг в лихорадочном танце бушевал ветер, хватая Слейта за куртку и вырывая у него из рук углы полотна. Развернув легкий непромокаемый виниловый брезент, Слейт, приложив усилия, дотянул его до противоположного борта кузова. Однозначно надвигался шторм. Слейт глянул вверх — моряки и пехотинцы легко переносили резкие изменения погоды. Слишком темно, даже с учетом близящейся зимы. Вихри стремительно разгонялись. Следовало поскорее отвезти Холли домой, а потом вернуться на пристань и, спрятав грузовик, проплыть на лодке до того, как погода испортится окончательно.

Однако Слейт подозревал, что Холли так просто не отстанет. Они никуда не поедут, пока он не подчинится ее прихоти. Слейт мог дать голову на отсечение, что так оно и будет.

И Холли, словно заводная обезьянка, нетерпеливо постукивала ногой по земле с таким видом, будто ждала визита к гадалке шесть лет, а не шесть минут. Суровый ветер разметал ее длинные рыжие волосы, и она трянула головой в безуспешной попытке отбросить их с лица. Холли напоминала волшебницу из другого мира.

Пока она наблюдала за Слейтом, на ее губах играла лучезарная улыбка, отражавшаяся в великолепных по-весеннему зеленых глазах, смотрящих на него, будто он — единственный мужчина во всем мире. Или, по крайней мере, в ее мире. Когда Слейт подошел к Холли, она выглядела такой радостной, что вся кровь в его теле хлынула вниз, делая кое-что

недопустимое. Черт, нет. Черт, черт, черт, нет.

Опасаясь утратить способность ходить, Слейт поспешил ухватить полог шатра и, отодвинув его, пропустить Холли в логовище гадалки. Ему совершенно не хотелось, чтобы Холли заметила все более болезненную эрекцию, да и опусти гадалка взгляд, как тут же определит его состояние безо всяких хрустальных шаров.

На них волной нахлынул мутный дым. Ароматы пачули и шалфея заполняли ноздри и взрывали обонятельные нервы, а затем окутывали кожу, проникая в каждую пору. Слейт не сомневался, что к окончанию сеанса будет являть собой пробник благовоний сандала и других навязчивых ароматов, словно торчал где-то между растаманским магазином 1960-х годов и каким-нибудь кошмарным отделом вроде Yankee Candle или Bath & Body Works⁹. Треугольные свечи ладана горели в каждой видимой глазу щели.

Иисус. Кому-нибудь нужно срочно сообщить в пожарный департамент, пока шатер гадалки не породил пожар по всему Пиберри.

Помимо ароматов, от которых голова шла кругом не хуже чем на выступлениях «Гарлем Глобтроттерс»¹⁰, Слейта занимало, как бы поскорее сесть, причем быстро, пока никто не заметил его эрекцию. Поэтому он рухнул на один из удобных стульев перед столом гадалки.

Но тогда его внимание привлекли длинные разметавшиеся волосы Холли. Даже не успев подумать, Слейт заправил ей за ухо растрепавшийся локон. Она судорожно вдохнула.

От темных глаз гадалки не укрылся ни его жест, ни реакция пугливой Холли. Хозяйка шатра с нескрываемым интересом посмотрела сначала на Слейта, а потом на нее. Черт, все сразу же стало ясно.

— Я — мадам Зельда, — нараспев представилась женщина голосом хриплым и таинственным, с отголосками какого-то неизвестного акцента. — Добро пожаловать в мой шатер.

Что-то в любопытном пристальном взгляде гадалки взывало к похороненным воспоминаниям. Слейт не мог отделаться от ощущения, что знает ее — вполне вероятно, учитывая, на каком маленьком острове они живут — однако она слишком хорошо играла свою роль. Хриплый голос с акцентом звучал незнакомо, но все равно вызывал какой-то отклик минувших дней.

Подражая цыганкам, гадалка убрала волосы под множество шарфов всех цветов радуги, а остальное тело закутала в яркие прозрачные и полупрозрачные ткани, маскировавшие возраст, фигуру и прочие отличительные черты. Паранджа лавандового цвета скрывала нижнюю половину лица, позволяя рассмотреть лишь глаза и мочки ушей, с которых — вполне ожидаемо — свисали огромные позолоченные обручи.

Каждый дюйм свободного пространства шатра занимали лавандовые благовония и красочные жеоды. С потолка на нитях свисали замысловатые наросты янтаря, хрустала и кварца. На углу отполированной обсидиановой столешницы лежал свернутый платок из зеленого войлока, поверх которого возвышались колоды Таро и обычных игральные карты. Гадалка могла удовлетворить запрос любого клиента, все-то у нее было припасено. В центре стола стоял большой хрустальный шар. Розовый.

— Розовый камешек, — заметил Слейт, осмотревшись по сторонам.

— Редкий розовый кварц, — поправила мадам Зельда голосом томным и таинственным. — Чтобы привнести в вашу жизнь любовь.

— А с чего вы решили, что мне в жизни нужна любовь? — возразил он.

— Разве нет? Она нужна всем.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Прежде чем Слейт смог ответить, Холли ткнула его локтем в бок.

— Ах, вот как? — тонко выщипанные брови гадалки взлетели вверх. — Уже? Но ведь вы только встретились?

Он выгнул бровь. Сплетни разносились по острову барабанным грохотом, быстро и неотвратимо.

— Мадам Зельда видит все, слышит все, знает все, — напевала гадалка, будто в ответ на невысказанный вопрос Слейта.

Он чуть не застонал, понятия не имея, как умудрился попасться в расставленную ловушку.

По шатру пронесся порыв ветра, прогремев горшками и уронив несколько кристаллов. Те из них, что свисали со стропил, зазвенели друг о друга, как звонкие музыкальные подвески¹¹.

Мадам Зельда подскочила, чтобы поправить их.

— Отражение ваших напряженных отношений, — посетовала она.

— Каких отношений? — пробормотал Слейт. — Нет у нас никаких чертовых отношений.

— Позволю себе не согласиться, — возразила мадам Зельда. — Хоть они и могут на данный момент казаться нездоровыми и невозможными.

Да, Слейт чувствовал себя охренительно нездорово, стоило ему вспомнить тот испепеляющий поцелуй и представить себе голую Холли с разметавшимися по подушке блестящими волосами, раздвинутыми ногами, стонущую и извивающуюся, пока он проталкивается в ее мягкое податливое тело.

Поерзав на стуле, Слейт попытался поправить свой напряженный орган, чуть ли не выкрикивающий мольбы об удовлетворении.

— Разве вы не должны говорить нам то, что мы хотим услышать?

Мадам Зельда пожала плечами, драматично колыхая своими завесами.

— А вам хочется услышать, что вы — любовники, обреченные на веки вечные? Мне так не кажется, — в шатер ворвался еще один порыв ветра. — Вы привели ко мне холодные ветра. Такая погода необычна и неожиданна для зимнего фестиваля.

— Неожиданна? — Слейт задушил смех. — Даже для всевидящей и всезнающей мадам Зельды? — фыркнул он.

Хлещущие остров суровые зимние ветра вряд ли были необычны, а вот нависший шторм — вполне.

— Нам предсказывают будущее, — Холли снова ткнула Слейта локтем.

— Ладно, — проворчал он. — Но нельзя ли поторопиться? Мне бы хотелось отвезти Холли домой и вернуться на свой маяк до того, как в декабре задуют необычные и непредвиденные декабрьские ветра, — Слейт прикусил язык. Он итак уже дал шарлатанке слишком много информации и боеприпасов для ее предсказаний.

Гадалка подтолкнула к нему фарфоровую чашку и подняла с горячей плиты чайник. Пожарной охране острова Пиберри, определенно, стоит наметить инспекцию этого шатра.

— Мы прочитаем вашу судьбу по заварке.

— Благодарю, но я не хочу пить.

Когда Слейт отодвинул чашку, их с гадалкой пальцы соприкоснулись. Мадам Зельда взяла его за руку и, удерживая дольше, чем следовало, погладила большим пальцем ладонь.

Он мельком глянул на Холли и заметил, как она скривила губы в очевидном недовольстве. Гадалка продолжила гладить его руку.

От столь очевидного проявления ревности Слейт почувствовал странное удовольствие. Он не мог припомнить, когда в последний раз женщина чувствовала себя привлеченной к нему настолько, чтобы присматривать, не привлекает ли его кто-нибудь другой.

«О чем, черт тебя дерит, ты думаешь?».

Слейт не хотел вызывать у Холли ревность. Он ничего не хотел от нее или с ней, лишь только позаботиться подобающим образом, как и просил Скип.

«Да, ты охрененно врешь самому себе, Слейт».

Пульсирующий член призывал к честности.

Слейт хотел Холли.

Вне всяких сомнений.

Выгнув бровь, он перевел взгляд с одной женщины на другую. И снова его поразило дружелюбие гадалки. Слейт еще не вспомнил ее. Но скоро вспомнит. Она продолжала гладить его руку с теплотой, имеющей мало общего со сверхъестественными предсказаниями.

Внезапной вспышкой пришло воспоминание. Такие же поглаживания и неловкие ласки на расстеленном покрывале позади дюны недалеко от собравшихся вокруг костра друзей. Кувыркание на заднем сидении машины. Стоило сразу догадаться. Даже без хрустального шара.

— Зои?

— Зельда, — резко исправила женщина.

Слейт освободил свои пальцы из ее руки.

— Линия жизни показывает, что ваше недалекое прошлое расколото, как если бы вы пережили события на грани жизни и смерти, — сказала гадалка.

Да, почти все на острове знали, что Слейт обманул смерть с косой. Он вернулся домой целым и невредимым, выбравшимся из проклятой пустыни с почетной отставкой и грудой медалей.

— Но линия продолжается и в будущем восстанавливается. В хорошем будущем.

— А что с любовной линией? — потребовала Холли.

— Он не дал мне возможности посмотреть.

— Разве гадалка не должна просто знать? — нарочито вежливо предположил Слейт.

— Зато я видела прерывающуюся линию. Отражение прошлых расставаний.

«Ага. Зои, только не начинай».

Он кивнул на хрустальный шар, переставший быть розовым и ставший мутным, с циркулирующими внутри завихрениями. Обман. Очередные спецэффекты. Стоит отдать Зои должное.

— Наверное, теперь очередь Холли. Эти мумба-юмба не моя тема.

— Нет. Я вижу, что вы — твердый человек, человек земли.

Холли рассмеялась так заразительно, что Слейт не сумел сдержать улыбки.

— Он — человек моря. Ну, вы знаете, лодка? Маяк?

— Но, несомненно, знак земли, — отметила мадам Зельда. — Козерог?

Холли ахнула, и гадалка несколько раз провела рукой по поверхности шара, прежде чем всмотреться в его блестящие глубины.

— Я вижу камень.

— Потому что смотрите на кусок камня, — отметил Слейт.

— Камень, который я вижу, серый. Твердый.

Он снова поерзал и незаметно поправил джинсы, удобнее устраивая свой собственный твердый довесок.

— Многослойный.

— Как глубокомысленно, — покосилась на Слейта Холли.

Святой Бог. Если эти две не остановятся, он скоро выпустит ракету и тотально опозорится.

— Я вижу... сланец¹². Этот камень имеет для вас значение, — гадалка правильно назвала дату его рождения и сосредоточила на нем свой взгляд.

Холли вздохнула и нетерпеливо наклонилась вперед. Слейт покачал головой.

— Что? Я ошиблась?

— Зои, ты серьезно?

Похоже, мадам Зельда решила его проигнорировать и нацелилась на Холли, очевидно, определив, кто из клиентов восприимчивее.

— Сланец и козерог.

Из складок пышных юбок гадалка достала маленький бархатный мешочек и положила его на стол, с каждым движением звеня множеством браслетов. На всех ее пальцах красовались кольца.

— Значит, вам подойдут кристаллы, капитан.

Слейт ничего не сказал и ничем не выдал своих мыслей. Гадалка не без причины знала о нем так много, и эта причина не имела никакого отношения к кофейной гуще или заварке.

— Так много отрицательной энергии, — сказала мадам Зельда, передвинув розовый шар на другое место. — Я восстанавливаю баланс.

Господи, куда уж смешнее? Навязчивый аромат жасмина, франжипани и смирну чуть не взорвал Слейту нос, щекоча ноздри и вызывая желание чихнуть. Он потерял восхитительные нотки свежей земляники и хотел скорее их вернуть.

Холли похлопала его по спине.

— Пожалуйста? — убеждала она.

— Ладно, — почему-то ему не хотелось ее расстраивать. К тому же, чем раньше закончится представление, тем скорее можно будет о нем забыть. Взяв мешочек, Слейт несколько раз встряхнул его и бросил кости. Ну, то есть камни.

— Отлично! — хлопнула в ладоши мадам Зельда, когда несколько ярких цветных камней со стуком выпали на стол. — Я дарю вам вот этот, — она взяла блестящий кусок смолы медового цвета и вручила его Слейту. — Янтарь для исцеления. Всегда носите его с собой.

«Ага, разумеется».

Пока гадалка вещала о свойствах разных камней, Слейт мысленно унесся далеко отсюда.

— Ах, дымный кварц говорит о том, что внешне вы спокойны и терпеливы, но под поверхностью кипит настоящий вулкан, особенно в ближайшем будущем после того, как розовый кварц привнесет в вашу жизнь нежданную любовь и красоту. Яшма показывает практичность, сосредоточенность на четко выстроенных планах, приводящих к реальным результатам, а не к журавлю в небе, как у вашей любовницы.

Несмотря на внезапный приступ кашля у Холли, Слейт слышал лишь «бла-бла-бла»

голосом учителя из мультфильма «Чарли Браун»¹³.

Но тогда мадам Зельда нежно погладила малахит.

— Тебе нужно отпустить свое прошлое, Слейт, — сказала она. — Отпустить боль, держащую тебя в клетке, и идти дальше.

Когда он поднял взгляд, Зои положила к уже лежащему у него на ладони янтарю кусочек розово-серого мраморного камня и заставила зажать их в кулаке.

— Лепидолит. Отпусти чувство вины вместе с болью, прости себя, освободись, оставь все ужасы в прошлом и иди вперед. Время пришло.

— Пора сваливать отсюда. Вот для чего время пришло, — пробормотал Слейт.

— Но я еще не получила свое предсказание! — возмутилась Холли.

— Ты — открытая книга, — выпалил он и, схватив ее за руку, рывком поднял со стула. — Даже не будучи гадалкой, я легко смогу тебя поймать.

— Ты так в этом уверен, капитан? — отрезала Холли. — Может, я и простая, но тебе не поймать меня минимум без ужина и кино, — она впиалась в него взглядом с пламенем в глазах, вполне соответствующим цвету волос.

Осознав, что сказал, Слейт сжал челюсти и бросил на стол двадцатидолларовую купюру.

— Спасибо за предсказание, Зои. Гм, мадам Зельда.

Только он потянул Холли к выходу, как грянул гром. Чуть не свалившись с ног, Слейт сжал ее руку и дернул на себя. Однако он сделал глубокий вдох и сумел взять под контроль разрушительный спусковой крючок прежде, чем тот отбросил его в прошлое на поле боя. Приказав сердцу замедлить испуганный ритм, Слейт попытался очистить свой разум и ослабить хватку воспоминаний.

Холли вопросительно всматривалась в его лицо, и на ее тонких чертах отразилась неуверенность.

— Слейт, ты в порядке? — прошептала она.

— Да, — слово вырвалось изо рта, короткое и резкое, произнесенное намеренно твердым тоном, предназначенным отклонить любые возможные раздражающие обсуждения ситуации.

Гадалка поднялась и вложила в руку Холли несколько камней.

— Для вас млечный кварц, защищающий от темного неприятного поворота событий. Расслабьтесь, будьте терпеливы и позвольте ситуации развиваться самой по себе. Прозрачный кварц, чтобы дать вам сосредоточиться, когда обсидиан вынесет скрытые бурные эмоции на поверхность и откроет тайные факты. И волшебный камень, лабрадорит. Нежданные перемены могут принести вам то, чего вы так желаете. Но будьте очень осторожны со своими желаниями.

— Кажется, мадам Зельда многое о тебе знала, — вслух размышляла Холли по дороге к грузовику. — С этим-то ты не поспоришь?

— Ну, мм, да. На самом деле ее зовут Зои, и она — дочь Мейси. Я некоторое время встречался с ней в средней школе.

Холли остановилась как вкопанная. Она не знала, из-за чего злилась сильнее — из-за того, что Зои знала Слейта, или из-за того, что мадам Зельда не знала. У нее защищало глаза, но она отказалась заливать водой автостоянку.

— Поэтому она наглаживала твою руку?

— Возможно, — пожал он плечами. — Кто знает? Наши отношения никогда не были серьезными и закончились давным-давно.

Сжав камни в ладони, Холи ухватила за них покрепче, не желая отпустить олицетворяемое ими вдохновение и обещание.

— Просто почему-то, — Слейт помог ей забраться на пассажирское сидение, а сам занял место водителя и завел двигатель.

Едва Холли пристегнулась ремнем безопасности, как на машину налетел шторм. Дождь разъяренно бился о лобовое стекло. Слейт включил дворники на максимальную скорость. Они носились вверх-вниз не хуже спринтеров-легкоатлетов, однако все равно по стеклу стекал океан воды, и точно такой же лился на крышу. Учитывая опускающуюся темноту, видимость стала почти нулевой.

Слейт прорывался через потоп, как водитель танка, косящий очаги террористического восстания. Холли с такой силой вцепилась в приборную панель, что побелели суставы.

— Не так-то просто, — прорычал Слейт сквозь стиснутые зубы. — Этого я и боялся. И знаешь что? Мне не потребовался хрустальный шар, чтобы понять, чем все закончится.

Молния зигзагом располосовала небо. От последующего удара грома Холли подпрыгнула на месте, словно от грохота орудийного огня или минометного снаряда. Побледнев, Слейт вздрагивал от каждого раскатистого эха и, сжимая челюсти, напрягал пальцы на руле. С каждой первой нотой он вдыхал, а выдыхал, только когда звук полностью стихал.

Холли изучила профиль Слейта. Ему нравился грохот еще меньше, чем ей. Куда уж очевиднее. Гром напоминал ему о пустыне?

— Ты не сможешь уплыть на лодке, — сказала Холли. — Не сможешь вернуться на свой маяк.

— Нет. Слишком поздно, — скривился Слейт. — Придется ждать, пока не прояснится.

— Не похоже, что буря вообще когда-нибудь стихнет, — сказала она. — Напоминает разверзшийся ад на Земле.

Он не ответил, и Холли отругала себя за глупый комментарий. Что-то подсказывало, что мужчина рядом с ней повидал настоящий ад. И простой погодный катаклизм, каким бы сильным он ни был, даже отдаленно не напоминал то, через что прошел Слейт.

— Стихнет... рано или поздно, — сказал он, наконец. — Сложно сказать, продлится шторм один день или же дольше, — Слейт попытался включить радио, но из динамиков донеслось лишь статическое потрескивание. — Черт возьми. Остров на некоторое время будет отрезан от мира.

— Ты можешь остаться со мной, — предложила Холли. — Если мы когда-нибудь доберемся до моего дома.

— Нет... — не успел он закончить фразу, как на грузовик низверглось очередное цунами. На щеке Слейта дернулась мышца, и он стиснул зубы. — Возможно, придется, — признал он.

— Хорошо, — жизнерадостно ответила Холли, — ведь у нас, по крайней мере, есть пироги.

— Да, — отозвался он, — у нас, по крайней мере, есть пироги.

— Если коробки в кузове не зальет водой.

— Я накрыл их непромокаемым брезентом. Он уберезет пироги, и его должно хватить до тех пор, пока мы не доберемся до твоего дома.

Слейт замолчал, сконцентрировавшись на езде через ливень, и воцарилась тишина.

Холли не стала ее прерывать, несмотря на желание болтать, задавать вопросы о том, кто он, откуда, и как впал в то состояние, в каком пребывал сейчас. Очень шаткое состояние — как она подозревала — если судить по тому, что обычный грохот грома вдребезги разбивал его обычно непоколебимое спокойствие. Холли хотела расспросить Слейта о дне смерти ее папы и разгадать все намеки отцовских писем. Рядом с ней сидела красивая, завораживающая, мужественная загадка, которую неудержимо тянуло разгадать.

В иной ситуации Холли начала бы болтать, лишь бы заполнить тишину, однако сейчас молчание странным образом успокаивало, а не порождало неловкость. Хоть Слейт и вздрагивал с каждым раскатом грома, но держал руль твердо и уверенно.

Холли облегченно вздохнула. Учитывая отсутствие видимости и скользкие дороги, поездка стала в лучшем случае сложной. Если и существовал человек, способный справиться с задачей и продолжить вести машину, то им был Слейт Клайборн.

И все же Холли не могла понять, что творится в голове у этого мужчины. Да и поймет ли когда-нибудь вообще?

Почти забыв о буйстве на улице, она сосредоточилась на том, что узнала о сидящем рядом с ней нечитаемом невосприимчивом мужчине. Мадам Зельда — а по совместительству еще и Зои — подтвердила то, о чем Холли и без того подозревала. Боль изрешетила Слейта и проникла в само его существо.

В отличие от Холли, сбегавшей от своих страданий, он, похоже, никак не мог отпустить прошлое и проложить курс к будущему.

Поездка заняла целую вечность. Или пять минут. Холли совершенно потеряла счет времени.

— Святое дерьмо, — сказал Слейт.

— Давно здесь не бывал?

— В таком освещении... Да. Можно сказать и так.

Ей пришлось признать, что погода выставляла разваливающееся здание не в лучшем свете. Мрачный особняк посреди ветреной дождливой ночи выглядел более чем внушительным.

Возможно, лучше подошло бы определение «жуткий». Свистящий воющий ветер тряс дом так, что грохотали ставни, а нарастающий ливень трепал его, порождая ощущение уныния, горестного опустошения и самого темного безнадежного отчаяния. Соседские дети помогли Холли развесить вдоль подъездной дорожки и на деревьях мерцающие рождественские гирлянды, которые вкупе с потрепанными украшениями на газоне лишь

усугубляли пугающий эффект.

Холли задрожала от открывшейся картины.

Да. Дом представлял собой один большой готический образ.

— Обычно выглядит не так плохо, как в шторм, — попробовала оправдаться она.

— Разве? Этот дом всегда был чем-то вроде предмета баек, — ответил Слейт. — Когда я был ребенком, мы бросали друг другу вызов провести здесь ночь. Мы думали, что в доме обитают привидения.

— И по-прежнему обитают, — жизнерадостно ответила Холли.

Недоверие и насмешка на лице Слейта подбодрили ее. Не совсем луч надежды среди черных туч мрака, но Холли радовалась всему, что могла получить.

Слейт припарковал грузовик как можно ближе к парадной двери, но подальше от грязи, и Холли начала открывать пассажирскую дверь. Казалось, он знал эти места.

— Постой, — Слейт перехватил ее руку и снова закрыл дверь. — Сзади лежит дождевик, — перегнувшись через сидение, он достал накидку. — Надевай.

— Так точно, капитан, — Холли накинула на себя виниловое пончо и натянула на голову капюшон. — А как же ты?

— Я добегу.

— Дождевика хватит на двоих, — она распахнула полы в приглашении.

— Шутишь, — сказал он. — Хочешь верь, хочешь нет, но у меня на самом деле есть чувство юмора.

— Мой папа тоже так думал. Черное и дьявольское, — Холли помолчала. — И я надеюсь, в ближайшие дни ты мне его покажешь.

Пожав плечами, Слейт снова потянулся назад и, достав яркую желтую широкополую зюйдвестку¹⁴, водрузил ее на голову.

— Ты похож на Г...Глостерского моряка, — сказала она, глотая смех. Холли хотела сказать «Гордона-рыбака», но решила, что Слейт не оценит сравнение с парнем, нарисованным на коробке рыбных палочек. Кроме того, он куда больше напоминал виденный ею в Глостере восьмифутовый бронзовый кенотафий, изображавший рыбака с напрягшимися мышцами, стоящего за штурвалом своего судна и смотрящего сквозь шторм на скалы впереди. В путеводителе было написано, что статуя сделана по образу капитана Клейтона Морриси и служит мемориалом с надписью «те, кто погружается в море в кораблях»¹⁵.

Боже. Идеальное соответствие. Слейт сам бы мог стать прототипом статуи.

— Я и есть моряк, милая, — тихо сказал он, озвучивая мысли Холли.

Слово «милая» обволокло ее, как густые сладкие сливки, согревшие саму душу.

— Или рыбац с острова Пиберри, — Слейт застегнул пряжку на ее длинном желтом плаще, и ночь разрезал очередной раскат грома. — Беги, детка. Я следом за тобой.

Но он, конечно, не побежал за ней. Поскальзываясь, Холли понеслась через газон и добралась до противоположного его конца, где под прохудившимся навесом возвышалось витиеватое крыльцо особняка.

Всматриваясь во тьму сквозь проливной дождь, Холли поначалу не могла различить высокий силуэт Слейта.

Наконец она увидела его, огромного и жесткого, стоящего у кузова грузовика и связывающего что-то под брезентом. Он поднял громоздкую связку, но одну руку оставил свободной, чтобы прихватить тяжелый ящик с инструментами.

Холли открыла дверь и, включив свет, пододвинулась, давая Слейту место поставить груз.

— Твои пироги, — он положил на стиральную машину несколько влажных мягких коробок вместе с парой принесенных им вещей. — Не хочу тебя расстраивать, но твоя репетиция провалилась из-за немного подпортившейся погоды.

— Немного! — фыркнула Холли, стоя на месте, пока с нее на пол стекала вода. — Только ты мог спасти пироги посреди зверского шторма. Господи. Да ты бойскаут. Всегда готов.

— Не всегда, — пробормотал Слейт, однако подмигнул ей из-под полей своей желтой зюйдвестки.

— Серьезно? — выгнула брови Холли, забирая из его рук оставшиеся пакеты и отставляя их в сторону. Она сняла с него шляпу и, не в силах удержаться, еще сильнее взлохматила его влажные взъерошенные ветром волосы. — Вам нужны доказательства, капитан Клайборн?

Слейт скинул с себя куртку и повесил ее на один из крючков в прихожей. Он просто пожал плечами и, полностью сосредоточившись на процессе снятия одежды, делал вид, что ему совершенно плевать на слова Холли.

Умей она скрежетать зубами, она бы заскрежетала.

— Скажите-ка мне, капитан, сегодня утром уезжая из дома, вы рассчитывали что-нибудь получить?

— Например? Пироги? — проблеск юмора исчез столь же быстро, как и появился.

— Что-нибудь, — повторилась Холли. — Кое-что.

— О, — его выступающие скулы на мгновение окрасил румянец, но тут же исчез. — Не очень.

— И все же... готова поспорить, у тебя есть с собой презервативы, не так ли? — румянец вернулся на прежнее место и остался на более долгое время. — Вероятно, упаковка или две...или, черт, возможно, целая коробка в бардачке твоего грузовика.

Слейт дернул ее к себе для еще одного поцелуя в стиле «гром среди ясного неба» или же «да гори оно все синим пламенем». Однако он столь же внезапно отстранился, чтобы снять с Холли дождевик и повесить его рядом со своей шляпой.

Он недовольно посмотрел на лужи посреди прихожей.

— Швабра? — потребовал Слейт, словно опаляющего поцелуя не было и в помине.

— Ш...швабра? — повторила Холли, в то время как ее мозг был все еще поджарен вспышкой испепеляющего зноя.

— Знаешь, такое орудие для уборки, вытирающее лужи воды, если не помогает простая тряпка?

Потеряв дар речи, она кивнула на угол комнаты. Секунду спустя Слейт вернулся со шваброй, в то время как Холли по-прежнему ощупывала пальцем зацелованные и обожженные страстью губы. Слейт вновь оставил на ней свой пылающий след, о котором она нескоро забудет, если когда-нибудь забудет вообще. И в очередной раз Слейт не выглядел затронутым их кратким, хоть и жарким порывом.

— Кажется, оказавшись в твоей компании, я только и делаю, что вытираю пол, — заметил он, вода шваброй по потрескавшемуся линолеуму прихожей. Пара движений, и потемневшее покрытие засверкало.

Холли и вправду стоило оставить этого парня себе. По большому количеству причин,

чем одна. Глянув на его ящик с инструментами, она подумала о прохудившейся крыше, покосившихся дверях спален, барахлящей кухонной технике. Но Холли тут же изменила направление своих мыслей, вознамерившись показать Слейту свою состоятельность как хозяйки дома.

— Ты проголодался? — спросила она.

— Ох, черт возьми, да, — он окинул ее обжигающим взглядом, но оставил эротическую провокацию повисшей в воздухе. — У тебя есть что-нибудь, кроме пирогов?

— Как? Ты не можешь вытащить из карманов гамбургеры и фри?

— У меня есть соус для спагетти и консервированные помидоры, — посоветовал Слейт, снова пожав плечами. — Купил несколько банок на фестивале. Также соленые огурцы, джем и все в таком роде.

— Отлично. Значит, мы сможем приготовить что-нибудь на скорую руку. Но тебе стоит знать, что я не лучший повар. Я планировала разогреть в микроволновке полуфабрикаты.

Он скривился, будто ему предложили тарелку тушеного мышьяка.

— Без проблем. Я неплохо готовлю.

— И откуда же я знала, что ты так и скажешь, бойскаут? — усмехнулась Холли. — Ладно. Итак, ужин. Если ты, конечно, не хочешь сразу перейти к той стадии, когда понадобятся презервативы?

Лицо Слейта посерьезнело, а взгляд стал настолько холодным и мрачным, что Холли захотела отвесить себе подзатыльник. Он посмотрел на черный ход так, будто планировал побег. Раздался очередной раскат грома, настолько громкий и дикий, что, казалось, содрогнулся весь дом. Холли чуть не запрыгнула Слейту на руки. Он схватил ее за плечо и, толкнув себе за спину, принял защитную позицию человека, готового повалить тебя на землю, чтобы закрыть своим большим телом.

— Слейт, это всего лишь гром, — прошептала Холли.

— Знаю, — все же он замер и, закрыв глаза, отгородился от нее. Словно оказался где-то в другом месте. Настроение стало мрачным, и Слейта окутал холод подобно силовому полю, предупреждающему Холли держаться подальше. Как теперь выдернуть его из плена кошмара?

— Ну, так... что насчет презервативов?

Слейт резко распахнул глаза и, уставившись на Холли, наконец-то вернулся к ней в прихожую дома Пиберри.

— Этого не случится, Холли, — проворчал он.

Она внимательно изучала его, и у нее в голове закрутились шестеренки со скоростью учащенного сердцебиения. Холли захотела сделать спасение этого мужчины своей персональной миссией. Излечение его. Возвращение из рядов потерянных.

И для начала... у нее вскипела кровь, а женские части тела — начиная с твердеющих сосков на набухающей груди и заканчивая пульсирующей промежностью — закричали от потребности.

Холли чуть ли не плакала от голода и потребности в Слейте, отчего все клетки в ее теле объединились, чтобы проигнорировать его мрачные прогнозы, холодность, непоколебимую позицию и пустоту в серых глазах.

Осознанно или нет, но он бросил Холли перчатку. А она никогда не уклонялась от вызова.

— Это мы еще посмотрим, — сказала Холли.

— Есть в этом обветшалом прогнившем ведре хоть одно место, где с потолка не льет, как из гейзера? — потребовал Слейт сквозь зажатые между губами гвозди.

За последние четыре часа северо-восточный ветер не утихал ни на секунду. Более того, ураган неуклонно нарастал. Весь чертов особняк грохотал, гремел, стучал и хлопал, будто беспощадный шторм мог в любой момент превратить его в груды кирпичей и щепок. Сила ветра начала беспокоить, и Слейт решил, что погода в ближайшее время не улучшится.

По крайней мере, застряв здесь, они не умрут от голода. Кладовая Холли была более... или менее...заполнена. Если взять некоторые запасы с полок и прибавить к ним купленные Слейтом на ярмарке банки с «черт знает чем», удастся приготовить что-нибудь интересное — эклектическое — вроде пасты и блинов. Возможно, блюда будут перегруженными углеводами, но Слейт такие любил.

Он разжег огонь в камине столовой и после первого же клуба дыма понял, что придется найти время прочистить дымоход, однако комната все равно тут же стала уютней. В углу сверкала рождественская елка, небольшая — по словам Холли — чуть меньше обычной. На ней мерцали гирлянды, но хозяйка дома еще не успела развесить игрушки. Тем не менее, на каминной полке лежали ветки, наполнявшие комнату свежим древесным ароматом сосны. Также там стояли фотографии Скипа, Скипа и Холли, и — Слейт был поражен — его и Скипа.

Как бы отвратительно дом ни выглядел снаружи, кухня и столовая почему-то были теплыми и уютными, показывающими потенциал особняка. Однако предстояло сделать еще очень многое.

Во время ужина непрерывно стучали ставни, пока Слейт не подумал, что начинает сходить с ума. Несколько раз он вскакивал с места, чтобы порыться в ящике с инструментами и, достав молоток с гвоздями, заколотить очередное окно. Также Слейт избегал льющихся потоком вопросов Холли. Женщина не имела ни малейшего представления о тактичности. Очевидно, она никогда не слышала, что совать нос в чужие дела невежливо.

«Нужно отлить» — неудачный выбор слов в сложившейся ситуации — но Слейт прихватил половину упаковки найденного в холодильнике неплохого домашнего пива и, надеясь избежать дальнейших расспросов, ушел в ванную. Вот только даже там не было спасения от текущей с потолка воды. Опасаясь падения на голову куска краски или шпукатурки, Слейт быстро закончил и вернулся на кухню. В следующий раз придется разобраться с ванной этого гиблого места.

«В следующий раз?», — он тут же отринул мысль. Ни за что на свете Слейт не собирался снова иметь дело с раздражающей женщиной и адской бездной, зовущейся ее домом.

Но ему пришлось признать, что бóльшая часть раздражения была вызвана тем, что Холли заставляла его чувствовать.

Жизнь и возбуждение. Как у здорового энергичного самца в расцвете сил.

Стоя на ступенях покосившейся лестницы, он впился взглядом в Холли.

— О чем, черт возьми, ты думала, покупая эту поленницу?

— Ну, сейчас мой дом вряд ли можно назвать поленницей, — напомнила Холли. — Он

слишком мокрый, чтобы загореться, как думаешь? — она переставила пластмассовое ведро, чтобы в него падали капли из дыры в потолке, и вернулась к столу убрать остатки ужина.

— Ты не хочешь знать, о чем я сейчас думаю, — проворчал Слейт.

Налив в раковину средства для мытья посуды, Холли посмотрела через плечо на Слейта.

— Но я хочу, Слейт. Я хочу узнать о тебе все, что только можно.

— Наш поход к гадалке недостаточно удовлетворил твое любопытство?

— Расскажешь мне о Зои?

При виде вспышки нетерпения в зеленых глазах у Слейта в голове взвыл сигнал тревоги.

— Нет.

— В таком случае, недостаточно, — Холли наполнила чайник водопроводной водой и поставила его на газовую плиту. — Кофе или чай?

«Бренди. А потом еще. Чем больше, тем лучше».

— Кофе, — вместо этого ответил Слейт.

— Разумеется, ты — любитель кофе, — Холли усмехнулась, будто выиграла тайное пари с огромной ставкой.

— Дай угадаю. Себе ты заваришь чаю. Скорее всего, зеленого. Стоп. Или какую-нибудь странную чайную хрень? Может, травяную или цветочную муть?

— Зеленый. С жасмином. Видишь, как хорошо мы друг друга знаем? — рассмеялась она, передвигая кофемашину Keurig на середину стойки. — Черный и крепкий, верно? Тебя устроит итальянской или французской обжарки?

— Чем крепче, тем лучше, — пробормотал Слейт себе под нос.

— Знаешь ли, я все слышу, — прокомментировала Холли, но ее кипучее хорошее настроение не ухудшилось ни на йоту. Видит Бог, она была утомительной. — Спорим, когда мы целовались, ты не считал меня надоедливой и раздражающей, большой старый брюзга.

Иисус. Эта женщина убивала его. Она на самом деле пыталась. Обязательно было напоминать об их горячих чувственных поцелуях? Причем в тот момент, когда Слейт стоял на чертовой лестнице, шатающейся от каждого движения и способной в любую секунду рассыпаться под его весом на щепки?

Он взволнованно смотрел, как к нему приближается Холли.

— Плюй, — приказала она, протянув руку, будто он был непослушным мальчишкой на уроке, а она — школьной учительницей, велевшей выплюнуть в ее ладонь жевательную резинку.

Однако Слейт покорно наклонился и выплюнул изо рта гвозди. Проигнорировав пояс с инструментами, Холли положила гвозди в задний карман его джинсов и, нежно погладив ягодицу, потянулась к тарелке на кухонном столе.

— Возможно, пирог подсластит пиллюлю, — она поднесла вилку с пирогом ко рту Слейта. Он принял кусок и встретился с ней взглядом. — Вкусно?

— Угу.

— Тогда слазь с проклятой лестницы и посиди со мной. Там еще много вкусного, — ее голос был хриплым и звучал призывно. — Но садись осторожней. У тебя в заднем кармане гвозди.

Гвозди, которые она намеренно положила туда, только чтобы найти предлог прикоснуться к Слейту. Скорее всего. Не сказать, что Холли в принципе требовался предлог сделать то, чего она желала. Он никогда не встречал более упертой и импульсивной женщины. Слейт вспомнил, как она чувственно погладила его зад, и свои равные мысли

внезапно вышли из-под контроля, направившись вниз по запретному эротическому пути, ходить по которому не следовало.

— Не хотелось бы, чтобы ты поцарапался, — добавила Холли, стоило Слейту наконец-то взять себя в руки. «Нет, когда тебя могу поцарапать я», — невысказанная провокация повисла в воздухе, как насмешка. Или как вызов.

Господи. Холли не могла не знать, что к данному моменту Слейт уже распалился. Она убивала его. Соппротивление начало казаться пустой тратой времени.

Сняв с пояса инструменты, Слейт вытащил из заднего кармана гвозди и положил их на стол, где уже стояло шесть пирогов, все на разных стадиях съедения.

— Итак, тебе понадобилось столько пирогов, чтобы...

Холли пожала плечами.

— Я хотела посмотреть, какие мне больше понравятся, а какие можно замораживать. Какие лучше есть теплыми, и сколько времени они не портятся. Какие подходят для отпуска, а какие вкуснее с мороженым; какие хорошо сочетаются с сыром и вином, а не с чаем и кофе; какие не подходят для семей, а какие можно включить в детское меню.

В ее словах имелся некий странный смысл. Хотя сам Слейт, скорее всего, пробовал бы все пироги по одному.

Холли попивала свой ароматный чай. Слейта уже ждал кофе, черный и крепкий, а также тарелка с шестью кусками пирога. Ему отчасти понравилось, как Холли его кормила. Шатаясь на лестнице, Слейт даже не знал, какой из проклятых пирогов был на поднесенной к его губам вилке. Все, что он помнил — искры и пламя в глазах Холли.

— Мне самой тебя накормить? — мягко поинтересовалась она. — Кажется, тебе понравилось.

Вау. Порой ее способность распознавать его эмоции с точностью выпущенной беспилотником ракеты обескураживала. Внезапно Слейт обнаружил, что не может говорить из-за вставшего в горле кома.

«Какого черта?».

Но да, ему на самом деле очень понравилось. Глотнув кофе, горячего и горького, Слейт попытался растопить упомянутый ком. Он даже начал поднимать плечи, чтобы пожать ими, но остановил себя.

— Да, вкусный пирог, — сказал он, наконец. — С чем он был?

— Не знаю. Скорее всего, с минсмитом¹⁶. Ты знаешь, что такое минсмит?

— Ты забываешь, что я прожил здесь почти всю свою жизнь. Вырос на пирогах Мейси. Моя мама летом выращивает ягоды для туристов. Минсмит — это как фруктовый кекс, только с начинкой. Нарезанные сухофрукты, алкоголь и специи. Давным-давно пирог готовили с мясом или мясным жиром.

— Полагаю, мальчик с Пиберри хорошо разбирается в минсмите.

— Конечно, ведь остров Пиберри¹⁷ не назван в честь пирогов и ягод, — сообщил Слейт.

— Да быть такого не может.

— Разве ты не изучила историю острова, прежде чем купить здесь дом?

— Не особо, — пришла очередь Холли пожать плечами. — Взяла и влюбилась в него с первого взгляда. Просто порыв.

— У тебя? Порыв? Я, блин, в шоке. А потом ты скажешь мне, что в Касабланке играют азартные игры¹⁸.

— Агент по недвижимости сказал, что особняк построен основателем.

— Да, но основатель был каким-то жутким старым затворником. Насколько я знаю, сумасшедшим ученым и математиком. Он захотел забраться в глушь, чтобы работать над своими безумными формулами и теориями в одиночестве и изоляции. А что может быть дальше от цивилизации, чем остров? Его звали Горацио Берри. Из-за увлеченности формулами другие ученые в насмешку называли его Пиберри. Но эта история не так привлекает туристов. И мы, конечно, весной и летом под завязку обеспечены всеми видами ягод и фруктов. Пасторальная картинка. Приезжие могут выбрать плоды по своему вкусу. Земляника, черника, малина, ежевика, клубника, шелковица, бойсен...

— Я уловила суть, — рассмеялась Холли и, прижав два пальца к губам Слейта, улыбнулась ему.

Он втянул кончики ее пальцев в рот, пробуя их с таким же восторгом, с каким пробовал кусок загадочного пирога. И даже с бóльшим. Словно — как напомнил себе Слейт — запретный плод. Он закрыл глаза и позволил Холли отстраниться.

— Не делай этого, — сказала она.

— Не делать чего? — снова открыл глаза Слейт.

— Не отгораживайся от меня, — вздохнула Холли. — Я накормлю тебя, Акула. Привыкай. О тебе нужно заботиться.

— Нужно?

— Да, нужно. Иначе ты на своем маяке превратишься в жуткого старого затворника вроде Горацио Берри.

— Иисус, Холли. Кто на самом деле нуждается в заботе, так это ты.

— Ты вызываешься добровольцем?

Слейт подумал о невыполненной клятве ее отцу. И Холли загнала его в угол.

— Я... я позабочусь о тебе, — прошептал Слейт вопреки здравому смыслу. — Ты всегда можешь на меня положиться.

— Хорошо, — кивнула она и слегка улыбнулась. — Мы будем заботиться друг о друге.

Он мысленно застонал, понимая, что угодил в ловушку размером с гигантский водосток.

— Ты можешь насыщаться пирогом — или мной — сколько твоей душе угодно. Давай начнем с пирога, если я для тебя слишком большой шаг.

Холли пододвинулась к нему на стуле, скребя деревянными ножками по полу. Подтянув ближе одну из тарелок, она подцепила вилкой что-то красное и поднесла ко рту Слейта. Свободной рукой она ухватила его под подбородок, не давая отстраниться, по крайней мере, поначалу...но потом движение превратилось в сексуальную нежную ласку.

Слейт судорожно начал жать на мысленные тормоза.

Но словно ощущая его отступление, Холли разговаривала с ним, болтая без остановки. Они обсудили остров, особняк — все и ничего одновременно. Она осторожно обходила опасные углы и держалась подальше от тем вроде его историй службы в пехоте.

Слейту становилось с ней все комфортнее. Опасно. Ему нравилось говорить с Холли, слушать ее, ощущать мимолетные прикосновения — все более долгие и интимные — как если бы она осторожно приручала дикое животное.

И Слейт прекрасно понимал, что именно это она и делает. И позволял ей.

— Мне кажется, Горацио Берри навещает свой дом, — сказала Холли.

— Почему ты так решила?

— Даже не знаю. Порой я слышу стуки, шорох, гроыхание. Вещи пропадают. Особенно по ночам.

— Конечно, ведь ставни, крыша и половицы в таком превосходном состоянии, что не издадут ни звука.

— Ладно, пускай так, — вздохнула она. — Я знала, что ты придумаешь какое-нибудь прозаичное объяснение. Ты — козерог. Может, ты и романтик в душе, но не по отношению к паранормальным явлениям. Таков уж ты есть и ничего не можешь с этим поделать.

Слейт ничего не мог поделать со многими вещами, среди которых не на последнем месте стояла нарастающая потребность в Холли.

Лампы отбрасывали на ее блестящие рыжие волосы отблески, а зеленые глаза игриво блестели жизнью, словно отражая эротические образы у него в голове. Слишком чертовски давно Слейт в последний раз был с женщиной такой же привлекательной и манящей, как Холли. От нетерпения у него напряглась мошонка. Тело знало, чего хотело, даже если разум отказывался позволять.

А потом с треском и шипением замигал и погас свет.

— Отлично, — пробормотал Слейт.

В затопившей весь дом непроглядной тьме Холли потянулась к нему и безошибочно нашла. Она погладила Слейта по тыльной стороне ладони.

Все вопросы о свечах, фонарях, генераторах, содержимом холодильника и морозильной камеры умерли на губах Слейта прежде, чем он успел их произнести.

— На самом деле, и вправду отлично, — произнесла Холли. — Удобно.

— Иисус. Мы оказались заперты в прохудившемся ведре, которое в любой момент может сдуть ветром, а теперь еще и электричество отключилось. И ты считаешь, что все отлично?

— Ну, мы вместе. И не так уж важно, тепло ли мне, мокрая ли я или...

Член отреагировал на слово «мокрая» и снова привлек к себе внимание. Жажда, сильная и всепоглощающая, отринула логику и вышла на первое место. Слейт громко застонал, заглушив последние слова Холли.

Она вздохнула и внезапно убрала руку. Тут же его окутал восхитительный аромат дикой земляники. Встав со стула, Холли подтолкнула Слейта, пока он, к собственному изумлению, не подвинулся. Секунду спустя она подвинулась сама и, обвив рукой его плечи, уселась к нему на колени.

На его твердые напряженные колени. Он сжал обеими руками ее ерзающее тело, и она, дразняще потершись ягодицами о пульсирующий член, устроилась удобнее. Предплечье Слейта оказалось зажато между мягкими округлыми грудями, покрытыми шелковой блузкой.

— Черт возьми, Холли, — его голос вышел хриплым, как при удушье.

— Ты так хорошо пахнешь, — сказала она, проигнорировав его проклятия и шквал ругательств. Холли уткнулась носом ему в шею. — Как сосна, море и сильный, порядочный мужчина. Я бы для разнообразия не отказалась от сильного порядочного мужчины. Мой папа тоже так думал.

От ее слов Слейт оторопел. Не успев скинуть Холли с ее места, он спросил:

— А как пахнет сильный и порядочный мужчина?

— Как ты. Я же только что сказала, разве нет? — она потерлась щекой о его щеку. — Небритый. Мне нравится. Идеальная текстура. Гладкая, но совсем чуть-чуть колючая, достаточная для небольших потертостей, но не сдерет кожу, когда я тебя поцелую.

— Этого не случится, — его голос стал еще более хриплым, словно удавка на горле

затягивалась, пока не осталось лишь жгучее желание, требовавшее вколачиваться в Холли и удовлетворять жажду. Слейт содрогнулся, сражаясь за самоконтроль и сдержанность.

— Думаешь, сможешь меня остановить?

Он не хотел ее останавливать. Даже отдаленно. И она об этом знала.

— Отпусти ситуацию, Слейт, — убеждала Холли, податливая, сексуальная и очаровательная. Она погладила его руку у своей груди и потерлась о его шею сначала носом, потом щекой, а затем губами и языком. — Разве ты не можешь хоть раз плюнуть на все, прекратить думать о прошлом, будущем, своих планах, графиках, распорядках...и просто прочувствовать момент?

— Но это не в моей натуре, Холли.

— А ты попробуй, — она понизила голос до шепота, интимностью соответствовавшего окружавшей их тьме. — Я в долгу не останусь.

— Не давай обещаний, которые не сможешь сдержать, — в ту же секунду, как слова вылетели изо рта, Слейт мысленно обругал себя, вспомнив о несдержанном обещании отцу Холли.

— Кто сказал, что я не сдержу? — прошептала она.

— Холли, прекрати, — глубоко вздохнул он. — Я дал слово твоему папе.

— Какое? Что именно ты ему пообещал?

— Заботиться о тебе.

— Тогда позаботься обо мне, черт тебя дери. Пока что ты не очень-то хорошо справляешься.

Слейт попытался передвинуть Холли на своих коленях и сместить с твердого жаждущего члена. Однако она снова извернулась, дразня так, будто догадывалась о его возбужденном состоянии. Черт возьми, догадывалась она. Вне всяких сомнений, Холли даже через одежду чувствовала упирающуюся ей в ягодицы эрекцию, однако совершенно не смущалась.

Холли опустила руку и, потянувшись между телами, на ощупь оценила обхват члена, длину, и насколько твердым его сделала.

— Аха, еще не все потеряно? — она ласкала его через одежду.

— Я — мужчина, — прорычал Слейт.

— Это хорошо, — Холли наглаживала его, пока он не стиснул зубы. Не хватало еще кончить в штаны, как какой-то подросток. — И для справки, твой длинный твердый член прямо под моей задницей. Так что я более-менее смогла предположить твой пол.

Холли сжала объятия, теплым дыханием овеяла шею Слейта, и нашла своим мягким влажным ртом его губы. Поцелуй кардинально отличался от двух предыдущих, горячих и потрясающих, которыми Слейт одарил ее ранее. Теперь контакт был предельно близким, сплавляющим воедино, душераздирающим, нежным, легким, но эротичным и полным обещания иного рода.

— Ты же знаешь, что сейчас речь не о починке моего проклятого потолка. Мы можем подарить друг другу немного комфорта, как думаешь?

Рано или поздно Холли бы его убила. Слейт уже был наполовину мертв. Очевидно, за исключением члена.

Он вернулся из пустыни жалкой оболочкой, сломленным человеком, пытающимся в знакомой среде восполнить пустоты. Но Холли...Господи. Поцелуй, ее аромат. Обещание. Ненавязчиво, а порой напористо она открывала в его душе все двери и окна, чтобы впустить

свежий воздух и...мечты.

Слейт не мог дышать. Несмотря на все усилия держать себя в руках, он начал под столом выстукивать ногами дробь по полу. Женщина, извивающаяся у него на коленях в попытках заставить его чувствовать и отвечать на ее восхитительные поцелуи, заслужила кого-то гораздо лучше, нежели человек, которым он стал.

Слейт опустил руку на стол и сжал пальцы в кулак.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Прекрати сопротивляться, — убеждала Холли. — Ты дома на острове Пиберри, Слейт. Мы нашли друг друга. Ты не сделаешь мне больно. Я хочу быть с тобой. Я хочу тебя.

— Я сломлен, Холли, — вот оно. Первое озвученное признание проблемы вытянуло из комнаты весь воздух, как леденящий отголосок смерти.

— Я знаю. И не ожидаю, что ты станешь прежним. Не думаю, что хоть один из нас способен вернуться. В любом случае, я не знакома с человеком, которым ты был. Зато знакома с тем, которым ты стал. И мне он нравится. Я хочу его. И если, пока я здесь, смогу ослабить хоть часть боли...

И тогда Слейт поцеловал ее. Отчаянно. Он припал ко рту Холли, вынуждая ее разомкнуть губы. Проведя языком по их уголкам и контуру улыбки, он проник между ними. Слейт вдохнул ее приветственный выдох. Холли поняла его так, как не понимал даже он сам, и почему-то по-прежнему хотела. Все прошлое отпадало, будто луковая шелуха. Они столкнулись зубами, но Слейт наклонил голову и, углубив поцелуй, проникал между губ Холли в диком ритме, пробуя ее рот изнутри. Коснувшись ее языка, он сначала погладил его, а потом втянул в свою игру.

Холли страстно хваталась за Слейта, ища поддержки, и вцеплялась в его плечи с такой силой, что укол ногтей чувствовался даже через фланелевую рубашку. Там, где проходил самый глубокий шрам. Однако ее прикосновения...

Холли отстранилась и, хватая ртом воздух, положила ладони Слейту на грудь. Но не отталкивала. Она начала рывками открывать кнопки на его рубашке и нетерпеливо стаскивать ее с плеч. Склонив голову к груди Слейта, Холли покружила языком по его соску, целуя, покусывая и сводя с и без того нахрен выжитого ума.

— Холли... — снова застонал Слейт.

— Я не остановлюсь, — она укусила его за шею.

Вскочив со стула, он взревел в поражении, триумфе и уникальном сочетании мужских мук с возбуждением, бешенством и жаждой, которая скоро будет утолена.

Слейт крепче прижал к себе Холли и вслепую пошел к лестнице.

— Спальня, — прорычал он.

— Первая дверь справа.

Слейт бросил Холли по центру кровати и, опустившись следом, придавил ее к постели своим телом.

— Будет быстро и грубо, — хрипло прошептал он ей на ухо отчаянно и бескомпромиссно.

— Меня все устраивает, — Холли раздвинула для него ноги. — Я хочу тебя любым способом, каким смогу получить. Я хочу трахаться с тобой, пока ты не потеряешь способность думать и помнить. Заполнить черную дыру внутри тебя.

Слейт в ответ застонал, и она принялась возиться с его рубашкой. Больше никаких разговоров и никаких поддразниваний. Он срывал с нее одежду, как обезумевший.

Приподняв бедра, Холли извивалась под ним, помогая стянуть с нее джинсы и трусики вниз по ногам, пока они не оказались на лодыжках. Слейт не потрудился разуть ее или разуться самому, но ей было плевать. Она знала этого мужчину всего лишь день, но в то же время, будто всю жизнь. Холли никогда никого не хотела сильнее. Оба оставались более чем наполовину одетыми, когда он рывком открыл пуговицу на своих джинсах и, дернув вниз застежку-молнию, освободил великолепный член.

Уже через миг Слейт устроил пульсирующую головку у входа Холли, и жемчужная капля предсемени смешалась с ее текущими соками. А затем он был в ней, двигаясь глубоко, торопливо и великолепно. Слейт вбивался в Холли снова и снова — красивый дикарь, потерявший контроль — проникал в нее все быстрее и быстрее в карающем, но потрясающем ритме.

Зажав запястья Холли в одной своей большой руке, он удерживал их над ее головой и, придавив к матрасу, наваливался на нее своим телом. Свободной рукой Слейт ухватился за ворот ее рубашки и разорвал шелк, словно бумагу. К черту проклятую одежду и мимолетные мысли, что блузка стоит столько же, сколько некоторые необходимые ремонтные работы в гостинице. Холли наслаждалась тем, как в нем пробудился пещерный человек, берущий ее с голодом, пробужденным ею и сделавшим в этот момент самой желанной женщиной в мире.

Отодвинув в сторону разорванную ткань, Слейт задрал вверх лифчик. Он обхватил своей большой ладонью грудь Холли и, сжав мягкую плоть, потеревил большим пальцем сжавшийся сосок. Заменяв палец губами, Слейт втянул пик в рот. Завтра на ее нежной коже появятся покраснения.

«Хорошо», — Холли хотела на себе отметку Слейта. Она хотела принадлежать ему каждым возможным способом. Однако Холли подозревала, что позже он попытается сбежать. Вот только она не собиралась позволять ему уходить или сожалеть. Сама она совершенно не сожалела. Холли хотела владеть его душой и телом. Особенно душой.

А затем она больше не могла мыслить, полностью поглощенная соединением. Диким, жестким примитивным спариванием. Великолепным и почему-то таким очищающим, будто все, что было прежде, включая воспоминания о других мужчинах, таяло под бушующим приливом проникающего в нее Слейта.

Удовольствие нарастало, и Холли начало казаться, что больше вынести невозможно.

— Слейт, — она кричала и шептала его имя, пока не охрипла.

Напряжение нарастало в ней и укоренялось, а мышцы сжимали Слейта, вырывая сдавленные стоны у обоих. С одним последним яростным толчком он ворвался в нее, толкая

за грань, чтобы наполнить уже иначе, радуя и удивляя горячими рывками излияния.

К счастью, Слейт окутал Холли собой и удерживал не хуже якоря, иначе она уплыла бы на облаке невероятного, безупречного сексуального удовлетворения.

Как он и обещал, все было быстро, грубо и изумительно. Куда лучше всего, что помнила Холли.

Слейт отпустил ее руки и, рухнув на нее, тяжело прерывисто дышал.

— О, мой Бог, — пробормотала она, погладив его позади шеи. — О, мой Бог, Слейт, — Холли провела руками по его плечам и наткнулась на неровный выступ длинного бугристого шрама. У нее защемило глаза от порыва оплакивать боль Слейта.

— Я не могу с тобой спать.

Какое странное заявление после выносящего разум секса. Тем не менее, Холли сомневалась, что расслышала верно, поскольку уже дремала, готовясь увидеть во сне второй раунд. Такой же жесткий, быстрый, грубый и яростный. А потом еще один, но медленный и нежный. Однако слова Слейта выдернули Холли из окутавшего ее дремотного послесвечения экстаза.

— Я не прошу никаких обязательств, — уверила она в непонимании.

— Дело не в обязательствах, детка, — он поцеловал ее в подбородок, потом в плечо и погладил обнаженную грудь. Все его движения были неспешными и легкими. Они успокаивали, пока Холли, утопая в облаке блаженства, не уснула в объятиях Слейта.

Но, конечно же, проснулась она в одиночестве. Холли даже не сразу поняла, что находится в ближайшей к лестнице гостевой спальне на втором этаже. Собственная спальня Холли располагалась на противоположном конце дома, но они со Слейтом не дошли бы так далеко. Она была с ним. Тело до сих пор горело и восхваляло его.

Снаружи по-прежнему бесноваться шторм. Небо за окном рассекла молния — единственный свет в непроглядной ночной тьме. Пророкотал гром, заглушивший стук ставен и другие шумы старого особняка, к которым Холли уже успела привыкнуть. Ветер завывал, стонал и кричал, пока она не задрожала.

Однако ничто не могло сравниться с пылавшей в этой постели поразительной неконтролируемой страстью.

Бойскаут даже не замедлился, чтобы надеть презерватив. Холли решила подумать об этом позже. Сейчас все мышцы бунтовали вследствие экстаза, отзываясь болью вперемешку с удовольствием в местах, о чувствительности которых Холли и не подозревала.

И у нее болело сердце за Слейта. Ей хотелось лежать рядом с его большим горячим телом. Ведь ему сейчас тоже одиноко.

Куда он пошел? Сможет ли она встретиться с ним лицом к лицу после всего, произошедшего между ними?

Потянувшись, Холли поняла, что лежит под одеялом совершенно голой. В какой-то момент после секса Слейт снял с нее всю одежду. Лучше поздно, чем никогда. Он также уложил ее в постель. Губы Холли изогнулись в улыбке. Она не могла сдержать радость и восхищение. Слейт взял ее без прелюдии и предварительных ласк, не тратя времени на то, чтобы раздеться или расправить постель. Они были слишком голодными, слишком разгоряченными и нуждающимися друг в друге.

И Холли снова нуждалась.

Она прислушалась к шумам в доме — к обычным пугающим скрипам и стукам.

Но тогда ночь разорвал ужасающий крик, от которого бросало в холод. Тут же

загрохотал очередной раскат грома, и Холли узнала мужской голос, кричащий в бессилии и ужасе. От грязных ругательств и чудовищных воплей стыла кровь.

— Слейт, — прошептала Холли.

Она вскочила с кровати и, не потрудившись прикрыть свое голое тело, помчалась через комнату. Холли миновала общую с соседней спальней ванную и вбежала в комнату по другую сторону.

Слейт наполовину сполз с кровати и метался, ногами запутавшись в простынях. Выше пояса он был голым, и льющийся из окна лунный свет освещал его огромное тело. Все его мышцы бугрились. То тут, то там кожу покрывали маленькие впадины — подарки шрапнели. От ключицы по левому плечу шел длинный яркий шрам, изгибающийся, словно змея.

Слейт лежал весь в поту и разрывал криками ночь.

Холли бросилась к кровати и встряхнула его за правое плечо.

— Слейт.

Твердые мышцы судорожно перекачивались под ее пальцами. Он будто вовсе ее не слышал. Продолжая метаться в бреду, Слейт схватил одну из подушек и начал рвать ее, как врага на поле боя. Наволочка разорвалась. Затем сама подушка. Перья закрутились дождем, прилипая к влажному телу Слейта.

— Слейт, — громче позвала Холли и встряхнула его сильнее. — Ты спишь.

Внезапно он вскочил с кровати, и его руки, так быстро разорвавшие подушку, взметнулись к шее Холли.

— Отвали, — просипел Слейт. — Катись в ад.

— Слейт, проснись, — Холли увернулась. Она бодрствовала, поэтому имела такое преимущество, как скорость. Однако он был крупнее, сильнее и опытнее. Если ему удастся добраться до нее...

— Я нахрен убью тебя.

Слейт бросился к Холли, недвусмысленно готовясь повалить ее на пол, но в последний момент изменил траекторию движения и просто схватил за плечи.

«Слава Богу», — если бы она упала...

Холли сильно пнула Слейта в колено, не позволяя добраться до ее горла.

Он проснулся с завыванием и шокировано уставился на Холли. В следующий миг Слейт дернул ее к своему телу и прижал к груди. Даже вернувшись оттуда, куда отправилась во сне его душа, он продолжал дрожать.

— Я сделал тебе больно? — прохрипел Слейт осипшим голосом. — Христос, Холли, скажи, что я не сделал тебе больно.

— Нет. Нет, ты не сделал мне больно.

— Я не хотел, чтобы ты когда-нибудь это увидела. Я не хотел, чтобы кто-нибудь вообще это видел.

Она потеряла его голую спину, нежно надавливая на кожу и вырисовывая на ней однообразные узоры.

— Держись за меня. Пожалуйста, Слейт. Просто обними меня. И дыши. Медленно Вдох-выдох, — Холли обвила его руками. — Пожалуйста, перестань дрожать, пожалуйста. Все в порядке. Все закончилось. Тебе просто приснился кошмар.

От его лающего смеха у нее похолодела кровь.

— Просто кошмар? А какие кошмары снятся вам, леди? Похожие на мои? — Слейт просеял пальцами кучу перьев и, подкинув их, позволил снежинками осесть обратно на

кровать. — Ты во сне хочешь уничтожать и ломать? Потому что твое тело — чертово смертельное оружие, и тебя обучили убивать?

— Ты ничего мне не сделал, — настаивала Холли.

— Нет, на этот раз, — он потер колени. — Но мог бы, верно? И сделал бы.

Слейт рухнул на край кровати, и Холли опустилась рядом с ним.

— Тебе часто снятся кошмары?

— Черт, да. Слишком часто. Теперь понимаешь, почему я живу на проклятом маяке?

Почему не могу сблизиться с тобой? Почему ты не должна со мной связываться? Черт возьми, я даже не могу спать с тобой в одной постели.

— Это ПТСР¹⁹. Но ты ведь и сам об этом знаешь?

— Да, знаю.

— Ты пытался обратиться за помощью?

— Однажды. Чертов мозгоправ решил, что у меня биполярное расстройство и хотел накачать меня литием с нейролептиками. Нет у меня проклятого биполярного расстройства. Я не страдаю психозом. Я не схожу с ума, за исключением ночных кошмаров. Я побывал в гребаном бою и снова переживаю проваленные миссии. Вроде дня смерти твоего отца. Или когда наш вертолет падал, или же когда мы в броневике подорвались на mine. Нет у меня никакого биполярного расстройства. Я не чертов гений психотерапии, но и то понимаю.

— Думаю, ты прав. Но ты, Гарвард, умный человек. Только потому, что сходил к одному глупому практику, не значит, что не нужно попробовать еще раз. Есть лекарства, способные помочь. Консультации. Мы найдем кого-нибудь, кто знает свое дело.

Холли обнимала Слейта, пока его бешеное сердцебиение не замедлилось до размеренного глухого стука.

— Ты пробовал разговаривать с другими ветеранами?

— На Пиберри не так-то много воевавших парней.

Она задумалась над его словами, и у нее в голове начал формироваться план.

— Но мы можем это изменить, — прошептала Холли. — Возможно, нам удастся привезти их сюда. Как толькоотремонтируем и запустим гостиницу.

Слейт покачал головой, но остался безмолвным. По крайней мере, он не возражал против слова «мы».

— Ты знаешь свои триггеры²⁰? — спросила она.

— Да. Конечно. Большинство. Гром, надо думать. Другие громкие звуки. Похоже, еще и секс.

Холли была поражена.

«Чет возьми! О чем он говорит?».

— Секс? Почему?

— Потому что он взбудоражил меня. Потому что был быстрым и грубым. Уровни тестостерона и адреналина подскочили. Как во время драки или полета. Если не считать, что полет не по моей части. И никогда не был. И, однозначно, не то, чему меня обучали.

— Не то, — согласилась она, прислонив голову к его боку. — Но ни за что на свете я не откажусь от секса с тобой. Мне нравится жестоко и грубо.

Слейт обнял ее одной рукой. Оберегая. Защищать было в его натуре. Смертоносный гнев? Нет. Ему не разлучить их, тем более, когда они почти не побыли вместе. Холли бы не позволила.

— Но если хочешь, в следующий раз мы все сделаем нежно и медленно, — предложила

она.

— Не будет никакого следующего раза, — рыкнул Слейт так громко и резко, что, кажется, сам напугался. — Прости. Остаточный эффект.

— Так... тебе не понравилось со мной?

— Святой черт, рыжая. Ты что, шутишь?

— Тогда не вижу причин, почему бы нам не повторить.

— Твою мать, потому что ты должна держаться от меня как можно дальше, Холли. И я не шучу. Я, будь проклят, опасен.

— Нет. То, что мне нужно и чего я хочу, это шанс для нас, — Слейту был нужен шанс. Он заслужил. На его долю итак уже выпало слишком много испытаний.

— Нет никаких «нас». И не может быть. Что я в итоге натворю? Сверну тебе шею? Возвращайся в свою спальню и запри чертову дверь. Если завтра погода позволит убраться отсюда к чертовой матери, то так я и сделаю.

— Нет, — Холли могла быть столь же упрямой, как и ее козерог. А может, еще упрямее, если придется.

Она вспомнила все, что знала о посттравматическом синдроме, начиная с курсов психологии в колледже, заканчивая виденными ею передачами. Холли всю жизнь постоянно сбегала. Но ни за что на свете она не сбежала бы от Слейта Клайбронна. Она дала бы ему все в чем бы он ни нуждался. Она просто дала бы ему все.

— Я хочу, чтобы ты расслабился, — сказала ему Холли.

— А я хочу, чтобы ты оставила меня одного.

— Этого не случится, — она снова начала массировать его спину. — Давай примем ванну, — предложила Холли.

— Я, скорее всего, попытаюсь нахрен тебя утопить.

— Я не позволю тебе заснуть и снова увидеть кошмары.

— Холли, я не могу вечно бодрствовать, — Слейт покачал головой с усталостью и сожалением.

— Но ты, конечно, справишься с одной ванной, так ведь?

— Электричества нет. Тебе нужно экономить воду.

— Потому что нам мало воды, падающей с неба и стекающей через крышу в ведра внизу?

— У тебя на все есть ответ, — вздохнул он.

— Я собираюсь помочь тебе расслабиться. И мы снова займемся любовью. Нежно и медленно. А потом тебе приснятся добрые сны.

— Не в одной постели с тобой.

— Без проблем, — Холли указала на кресло у противоположной стены. — Я буду сидеть вон там, и наблюдать за тобой. Если тебе снова приснится кошмар, я тебя разбужу. Если разбудить не получится, запрешь в другой комнате. И мы будем так делать, пока ты не начнешь чувствовать себя в безопасности. В безопасности со мной. И тогда мы сможем оставить кошмары позади. Договорились?

— Похоже на самое охренительно опасное предложение из всех мною слышанных. Холли, я — агрессивный психопат. И сомневаюсь, что когда-нибудь смогу измениться. Не связывайся со мной.

— Я уже с тобой связалась.

— Ты не отстанешь от меня?

— Боюсь, что нет.

— У тебя есть бренди? — Слейт устало провел рукой по волосам.

— Да. Бренди помогает?

— Иногда. Если удастся напиться в стельку. Или до беспамятства.

— Значит, мы выпьем. Один стакан. Возможно, два. Но никакой стельки. Никакого беспамятства. Мы лицом к лицу встретимся со всем, что бы ни случилось. Я схожу за бутылкой. А ты набери ванну.

Черт возьми, эта женщина была неутомимой. И ненасытной. Столь же оголодавшей, как и Слейт. Откинувшись на бортик ванны, он вытянул ноги, наслаждаясь легким опьянением и прижавшимися к его паху мягкими округлыми ягодицами Холли, пробуждающими едва успокоившийся член.

С тех пор как они забрались в ванну, Слейт взял Холли уже дважды, окунаясь в теплую воду, выплескивающуюся потоками на кафельный пол.

«Ну, точнее она взяла меня, по крайней мере, один раз», — исправил Слейт, вспомнив, как Холли повернулась к нему лицом и оседлала, натирая его своими сладкими грудями. Он приподнял ее и, устроив над напряженным членом, толкался вверх ей навстречу, помогая скакать на нем. Холли объезжала Слейта, пока не истощила.

В дополнение к бутылке бренди и стаканам она принесла все свечи, какие только смогла найти, поэтому теперь гостевую ванную заливал золотистый свет. Данный номер состоял из двух спален с ванной настолько большой, что Слейт поместился в ней даже вместе с Холли. Она не позволила ему напиться до бессознательного состояния, и ни один из них не был настолько пьян, чтобы не смочь двигаться. Отнюдь.

Холли потерялась об него ягодицами.

— Рыжая, ты играешь с огнем.

— Докажи.

Дерзость воспламенила Слейта. Мужчина его возраста просто не мог быть готов к повторению. В любом случае, не так скоро. Но Слейту начало казаться, что он не может насытиться Холли. Забрав стакан из ее руки, он поставил его на мокрый кафельный пол, двигаясь намеренно медленно и четко.

— А не поторопиться ли тебе? — пожаловалась Холли.

— Терпение, — Слейт обнял ее одной рукой и, проведя ладонью у нее между ног, обхватил лобок под спокойной поверхностью воды.

— Думаешь, я недостаточно влажная? — поддразнила Холли.

— Давай проверим, — он ввел в нее сначала один палец, потом два, и большим пальцем потер клитор. Даже сидя в воде, она оставалась скользкой и горячей, облегчая проникновение естественной смазки. Слейт ввел пальцы глубже и, найдя легкий медленный темп — куда менее спешный, чем когда входил в нее членом — начал размеренно кружить по клитору, твердо вознамерившись подвести ее к пику удовольствия. Уже через минуту Холли снова стонала и прижималась к Слейту ягодицами, предоставляя ему больше доступа. Он толкнул ее через край, и она, напрягшись под его рукой, закричала.

— Тебе нравится? — прошептал Слейт, прижимаясь губами к ее уху.

Холли задрожала, все еще подрагивая от спазмов разрядки.

— Христос, да, — простонала она. — Слейт, ты же и сам знаешь, что нравится.

— Хочешь больше, детка? Готова?

— Я хочу всего тебя.

— Как и я тебя.

Схватив с крючка наверху полотенце, Слейт накинул его на край ванны, чтобы Холли было удобнее. Он поднял ее со своих колен и, наклонив вперед, весом своего тела прижал к краю ванны, придавливая грудью к полотенцу.

Без предупреждения Слейт вогнал в Холли член и зарычал от сильного удовольствия.

— Господи, как же хорошо. Ты ощущаешься невероятно. Такая горячая и влажная. Детка, ты обтягиваешь меня лучше любой проклятой перчатки.

— Кстати об этом... — ее голос казался сдавленным, но Слейту не хватило выдержки что-либо обсуждать. Он слишком сильно хотел Холли и нуждался в ней. Желал, жаждал — неважно. Он совершенно потерял над собой контроль.

Слейт сильно вколачивался в Холли, с рычанием проталкиваясь в ее тело и, прижимая к полотенцу, вырывал из нее стон за стоном.

Когда он закончил, оба ослабли. Не говоря уже о том, что размокли. Большая часть воды выплеснулась на пол и мебель вокруг, а та, что осталась в ванне, ощутимо остыла.

— Пора перенести наш пир, — пробормотал Слейт, когда ему, наконец, удалось отдышаться и немного замедлить сердцебиение.

Он сгреб обмякшую Холли в свои руки и встал на подрагивающие ноги. Вздыхнув, Слейт еще секунду собирался с силами и возвращал себе крохи самоконтроля. Ему нравилось держать Холли на руках и прижимать к своей груди. Он мог бы обнимать ее целую вечность. Исходящий от нее аромат дикой земляники ударил в нос сильнее ракеты на полной скорости. Слейт уткнулся лицом Холли в волосы и делал вдох за вдохом, вбирая в себя ее сущность, ее силу.

Наконец он вышагнул из ванны и вернулся к кровати. К той, на которой они занимались сексом.

Опустив Холли по центру матраса, Слейт укрыл ее одеялом. Но стоило ему начать отворачиваться, как она схватила его за руку.

— Ложись.

— Нет, лучше не надо.

— Ложись, черт возьми.

Будучи слишком уставшим для споров, он приподнял угол одеяла и опустился на постель рядом с ней.

— Разве так не лучше? — вздохнула Холли, прильнув к Слейту так, что ее грудь и бедра, все еще влажные после ванны, прижались к его столь же влажной спине.

— Было бы неплохо, если бы мы предусмотрительно прихватили полотенца.

— Как думаешь, бойскаут, что еще было бы неплохо сделать?

Он покачивался на волнах усталости и уже через секунду провалился бы в глубокий сон. Но что-то в словах Холли заставило его встрепенуться и обдумать их.

Неужели теперь она ждала от него красивых слов? И что сказать? Что секс с ней был лучшим в его жизни? Что он хотел бы исследовать ее шелковистое тело до самого воскресенья? Что мог бы даже влюбиться в нее? В женщину, готовую терпеть как его самого, как и все его дерьмо, сдержанность, причуды и чертов ПТСР, перепады настроения, молчаливость и отчужденность?

— Эм...сказать «спасибо»? — «глупо. Как охрененно глупо».

Холли у него за спиной затряслась от смеха. Обернувшись, Слейт перекатился, чтобы оказаться с ней лицом к лицу. Он любил ее смех. Любил, когда она смеялась. Любил ее лучезарность. Свет. Сияние.

Продолжая смеяться, Холли покачала головой. Другая женщина, скорее всего, разозлилась бы. Но только не Холли. Она бросала на ветер все предостережения и осмеливалась дразнить. Связывать себя с ним. Принимать все, что бы он ей ни дал.

Докапываться до самых темных мест в его душе и освещать их своим светом.

— И тебе спасибо, Слейт. В постели ты неподражаем. Но я спрашивала не об этом.

Тогда чего, черт его дери, он не сделал?

— Ты хочешь еще пирога?

Холли рассмеялась настолько заразительно, что Слейт улыбнулся и даже будучи сонным, с радостью удовлетворил бы ее голод.

Причем неважно, какого рода голод.

— Я могу сходить и принести несколько кусков. С чем пирог ты хочешь?

— О. Мой. Бог, — она смеялась так сильно, что едва могла произносить слова. — Серьезно, Слейт? Пирог? — казалось, Холли не могла успокоиться. Стоило ей подавить смех, как она смотрела на Слейта, и у нее снова начиналась истерика.

В итоге он не выдержал и, схватив Холли в объятия, положил конец веселью, прижавшись к ее губам долгим, влажным, жарким поцелуем.

И заставил ее замолчать.

Она вздохнула в рот Слейту. Он прослеживал языком очертания ее губ, едва слышимо бормоча ласковые слова, пока оба опять не стали разгоряченными и возбужденными.

— Детка, ты меня убиваешь, — сказал Слейт. — Мне тридцать два года. Я не знаю, готов ли для еще одного захода.

В ответ Холли схватила твердеющий член и, обвив его пальцами, принялась ритмично поглаживать вверх-вниз.

— Держу пари, что готов, — она попыталась скатиться вниз по телу Слейта и заменить пальцы ртом.

Стоило ему представить свой член между ее губ, как в исходе следующих нескольких минут не осталось никаких сомнений. Чувствуя себя готовым взорваться, он схватил Холли за талию и потянул обратно.

— Да, детка, готов.

— Немногие мужчины отказались бы от минета.

— Да, и уж поверь мне, я буду с нетерпением его ждать. А потом собираюсь вернуть должок и лизать тебя до полуобморочного состояния. Но сейчас мне слишком нравится находиться в тебе. Когда я тебя трахаю, ты настолько горячая, влажная, тугая и скользкая, что сжимаешь мой член, будто он — проклятая волшебная палочка. Боже, как же хорошо быть в тебе. Не думаю, что мне когда-нибудь будет достаточно.

Он перевернул Холли на спину и снова вошел в нее. Они занялись любовью медленно, сладко и нежно.

Когда оба вернулись на землю, Слейт крепко прижал Холли к своему боку, а она положила голову ему на грудь. Он потерся подбородком об огненно-рыжие волосы у нее на макушке.

— До сих пор не вспомнил? — спросила Холли, затаив дыхание.

— Я сдаюсь, — покачал головой Слейт, теряясь в догадках.

— Вы сдаются мне, капитан Клайборн?

Он все обдумал и кивнул.

— Да. Думаю, сдаюсь. В каждом возможном смысле.

— И ты останешься здесь на некоторое время? Даже когда закончится шторм?

— Я бы сказал, что да, — признался Слейт. — Я... я отчасти увлекся тобой, Холли.

— Думаю, ты это уже доказал, — сказала она. — Несколько раз. Без презервативов.

— Христос, — он обмер и провел ладонью по своим волосам. Как только Слейт опустил руку, Холли проследовала тем же путем и взъерошила его волосы еще сильнее. — Черт возьми. У меня ни разу не было незащищенного секса.

— Ни разу?

— Ни разу.

— Мне нравится, что я заставила тебя забыть, бойскаут, — пробормотала она.

— Похоже, абсолютно во всех отношениях. Господи. Неудивительно, что секс был таким выдающимся.

— Думаю, нам нужно об этом поговорить.

— Да. Нужно было поговорить об этом раньше. Прости, Холли.

— Не смей извиняться, Слейт. Я увлеклась не меньше тебя.

— Да, но защищать тебя — моя работа.

— Черт возьми. Нет! Ты мне не телохранитель. Чего я хочу, так это чтобы ты стал моим любовником. И не смей сожалеть. Я вот не сожалею.

— Ты помнила?

— Нет. По крайней мере, в первый раз. А потом решила, что поезд ушел. Корабль уплыл. Стоило открылось. Лошади ускакали.

Закрыв глаза, Слейт глубоко вздохнул и снова их открыл.

— Мы не будем шутить на эту тему.

— Ладно, — Холли посмотрела ему в глаза, освещаемые пробивающимися в окно тусклыми рассветными лучами. — В таком случае, как поступим?

— Что бы ни случилось, я все сделаю правильно. Поддержу тебя. Ты ведь понимаешь это, правда?

— Поняла в тот же миг, как увидела тебя, Слейт Клайборн. У тебя есть стальной стержень. Что бы ты ни сделал, что бы ни сказал... для меня это как высечено в камне.

— Ты слишком веришь в меня, детка.

— Слейт, я знаю людей. Даже если бы папа ничего о тебе не рассказывал, я поняла бы сама. Даже если бы не знала о твоих бронзовых и серебряных звездах или остальных наградах. Я знаю тебя.

Прежде чем он успел начать спорить или опровергать, Холли выскользнула из постели. Она покинула комнату, но уже через минуту вернулась со свечой из ванной и трепещущим листком бумаги. Поставив свечу на прикроватную тумбочку, Холли забралась обратно в кровать и протянула Слейту помятый конверт.

— Последнее письмо моего папы. Вы писали такие перед миссиями на случай, если произойдет худшее. Я хочу, чтобы ты его прочитал.

Он взглянул на нераспечатанный конверт.

— Разве ты еще не прочитала? — Слейт напрягся. Он скучал по Скипу. И ненавидел вспоминать день его смерти. И теперь уж точно не следовало снова вытаскивать воспоминания на свет божий. Разве нет?

— Не прочитала. Оно лежало у меня под подушкой. Папа велел не открывать конверт, пока мы с тобой не встретимся.

Иисус. Слейт закрыл глаза. Он вряд ли справится.

— В любом случае, я не смогла бы прочесть письмо одна, — сказала Холли, словно подтверждая его мысли.

— Ох, Холли... — но стоило Слейту посмотреть ей в глаза, как все возражения застряли

у него в горле. Глаза, точно такие же, как у Скипа, но полные слез. А ведь он еще даже не открыл конверт и не начал читать. — О, чертов ад.

Будто обезвреживая бомбу, Слейт осторожно подцепил ногтем створку конверта и открыл его, не разрывая бумагу. Он достал письмо и просто держал его в руке, пока, наконец, не развернул и не начал читать:

«Моя милая девочка (поскольку ты всегда будешь для меня таковой, что бы ни случилось)».

Холли прижалась к его боку, и он обнял ее одной рукой за плечи, притягивая к себе. Слейт хотел защитить эту женщину, однако подозревал, что сейчас обнажатся его собственные эмоции.

«Холли, если ты читаешь это письмо, то мне жаль, очень, очень, очень жаль, моя малышка. Значит, я был слишком глупым или слишком медлительным, не сориентировался или сделал неверный шаг, чего-то не понял или вошел в дверь, входившую в которую не следовало, доверился тому, кто не заслуживал доверия, или оказался не в том месте не в то время. В любом случае, удача, в конце концов, отвернулась от меня, и мое время подошло к концу.»

Надеюсь, ты сможешь найти силы, чтобы простить меня в своем сердце. Я никогда не должен был оставлять тебя после смерти мамы, не должен был отправляться на одну миссию за другой в попытках сбежать от горя, пока ты оплакивала утрату в одиночестве. Я плохо поступил по отношению к тебе, моя девочка, мое дыхание, мое сердце, моя душа.

Я был худшим отцом в мире и глубоко сожалею обо всех своих ошибках. Но сильнее всего я сожалею о том, что мы не провели больше времени вместе, и теперь я никогда не увижу твои волосы, мой рыжик, или твои блестящие глаза, так похожие на мои, теперь закрытые в вечном сне.

Я так сожалею о том, что больше никогда не услышу твой нелепый заразительный смех, который всегда заставлял меня смеяться вместе с тобой. Никогда не увижу, как ты, наконец, найдешь любовь всей своей жизни, какой была для меня твоя мама. Никогда не поведу тебя под руку к алтарю и никогда не посажу на колени твоих малышек, моих драгоценных внуков. И никогда не услышу, как они визжат, когда я подброшу их в воздух, как раньше подбрасывал тебя.

Но я верю, что однажды ты придешь ко мне сюда после многих-многих, долгих-долгих лет и расскажешь все о замечательной жизни, прожитой тобой после моего ухода.

О том, как ты нашла свою любовь, и счастье, и самореализацию, и силу — все, к чему так стремилась, не понимая, какое ты ослепительное удивительное создание, лучшее, чего я добился в своей жизни, самое замечательное из всего, когда-либо случившегося со мной.

Я горжусь тобой сильнее, чем могу выразить словами, моя девочка. Надеюсь, ты об этом знаешь. Я сожалею, что не сказал тебе раньше. Также сожалею, что никогда не говорил, насколько тебя люблю.

Если ты скорбишь обо мне, то не печалься долго. За прошедшие годы моя зарплата накопилась, поэтому теперь ты будешь обеспечена и сможешь воплотить свои мечты везде, куда бы ни занесла тебя жизнь.

Надеюсь, однажды она приведет тебя к двери Слейта Клайборна. Одно из моих заветных желаний, чтобы ты нашла его, и вы подняли за меня бокалы, если не выйдет ничего больше.

Но, Холли, все эти годы я наблюдал, как Слейт изменился от волевой, но веселой

младшей версии себя самого до умелого, закаленного боями ветерана.

Ты видела фотографии и знаешь, что я говорю правду. Тебе всего лишь нужно сравнить самые первые снимки с поздними. Я полюбил Слейта, как сына, которого у меня никогда не было, но он умер душой. Ему нужен твой свет и твой смех. Твоя любовь.

Я надеюсь и молюсь, чтобы вы вместе смогли найти свое счастье. Думаю, вы бы стали прекрасной парой. У него есть стальной стержень, во многом, как твой. Слейт — самый сильный и преданный человек из всех, кого я знал. Ты всегда можешь на него положиться.

Но, моя любимая Холли, моя единственная настоящая радость в жизни (и Слейт, если ты сейчас рядом с моей девочкой, поскольку я надеюсь, что так и есть), пожалуйста, не принимайте мои слова за сводничество. Если вы созданы друг для друга, то сразу поймете. А если и нет, тоже поймете.

Я всегда буду доверять тебе, Слейт. Твое чутье безошибочно.

И, Холли, я верю, что ты не станешь торопить события в ошибочном стремлении порадовать меня.

Девочка моя, даже если вы со Слейтом не будете вместе, я все равно надеюсь, что время от времени ты будешь навещать его и проверять, как у него дела, не позволяя ему провалиться в черную пропасть, откуда он не сможет выбраться. Думаю, ты найдешь его — подумай только — на острове под названием Пиберри, где-то возле Нантакета.

Будь верна себе, моя девочка. Всегда будь верна себе.

Я люблю тебя, Холли, гораздо сильнее, чем когда-либо говорил.

И, Слейт... Я прошу тебя перестать корить себя или терзаться виной, оставить прошлое в прошлом и двигаться вперед, в будущее. Проживи хорошую достойную жизнь, на которую имеешь полное право, и иди к свету рука об руку со своей истинной любовью».

У Слейта начало щипать глаза задолго до того, как ему удалось дочитать письмо и положить его обратно в конверт. Он встал с кровати и начал беспокойно мерить шагами комнату.

— Меня он тоже просил присматривать за тобой, ты же знаешь, — тихо сказал Слейт, стоя к Холли спиной и едва проталкивая слова через вставший в горле ком.

— Ты переспал со мной из-за него?

— Что? Господи. Нет. Конечно, нет. Когда ты прибыла на остров, я счел это странным, но присматривал за тобой и за тем, как продвигаются дела с домом Пиберри. Ты поэтому переспала со мной?

— Нет. Но в ту же секунду, как мы налетели друг на друга в палатке Мейси, о, мой Бог. Меня как молнией поразило. Словно грянул гром. Ты произвел на меня такое впечатление, какого не производил ни один человек и ни один мужчина. Разве ты не почувствовал того же?

— Я чертовски уверен, что почувствовал, рыжая.

— И как нам быть, Слейт?

Он раздвинул две полоски жалюзи и взглянул на бушующий за окном шторм.

— Думаю, буря уже не такая дикая, какой была.

— Спасибо за прогноз погоды. Но я не об этом спрашивала.

Опустив руку, Слейт медленно обернулся и столь же медленно улыбнулся Холли.

— Просто хотел понять, как скоро смогу выйти на улицу и подняться на крышу.

— Чтобы прыгнуть с нее?

— Нет, милая. Детка, я собираюсь начать ее чинить, — он вернулся к кровати. — Хорошо, что в твоём доме много комнат, Холли. Потому что я переезжаю.

Год спустя...

— Холли, ты собираешься сделать заказ? — Мейси изумленно выглянула из-за прилавка с пирогами, и одна ее тонко выщипанная бровь поднялась почти до линии роста волос.

Почему обычно невозмутимая женщина так удивлена?

— Мейси, что-то не так?

— В общем, нет. Но если ты пришла за пирогами, то Слейт тебя опередил.

— Серьезно? — пришла очередь Холли удивляться. Ее капитан отправился на материк, чтобы привезти кое-что для их рождественской вечеринки, включая несколько членов своей бывшей команды пехотинцев.

— Он ушел с охапкой пирогов.

— Правда? — Холли проверила свой сотовый телефон. Ничего. Ни пропущенных звонков, ни сообщений. Планировалось, что Слейт закончит свои дела и встретится с ней на ярмарке. Холли уговорила его еще раз посетить мадам Зельду и в этом году с нетерпением ждала предсказания. Ведь теперь она не сомневалась, что ее ждет светлое будущее. — С охапкой?

— Именно, — сообщила ей Мейси. — И с ним была куча высоких широкоплечих красавцев.

— Куча это сколько?

— Четверо.

В животе Холли основался камень. Они уже заселили в отель двух членов команды Слейта и четверых других страдающих от ПТСР ветеранов. На этой неделе — как и на несколько других недель в году — гостиница превратилась в «Дом командующего Джона «Скипа» Харпера».

Слейт со своими друзьями вдохнули в дом Пиберри новую жизнь и превратили его в очаровательный отель, стоявший на пляже так близко к воде, что он стал одной из главных достопримечательностей острова, привлекавшей туристов большую часть лета. О гостинице писали в журналах и показывали по телевизору, нахваливая свежую рыбу и таланты повара, не говоря уже о почетной функции в межсезонье.

В разгар лета на пляже резвились семьи, гости собирали ягоды на соседних фермах, пары прятались среди дюн для романтических интерлюдий, а пенсионеры умиротворенно сидели в тени на верандах.

Но за пару недель до Дня поминовения, Дня независимости и Дня благодарения пехотинцы превращали гостиницу в «Дом Харпера», названный в честь отца Холли, и ставший убежищем для вернувшихся с войны ветеранов, имевших трудности при адаптации к гражданской жизни, а также для их семей.

Так или иначе, теперь все занимались подготовкой к первой рождественской вечеринке Холли и Слейта, которая должна была состояться во время зимнего фестиваля. День благодарения стал своего рода репетицией, но сегодня вечером все планировали выложиться на сто процентов. Слейт постоянно намекал на какие-то сюрпризы, но поскольку делал он это в своей типичной молчаливой манере, Холли так и не смогла выудить из него, чего ей ждать. Очевидно, еще больше пехотинцев.

Помимо ребят из «Дома Харпера», также были приглашены родители Слейта, Мейси с

Зои и несколько других торговцев из числа жителей острова Пиберри. Холли очень сомневалась, что ее умений хозяйки гостиницы хватит на столь многочисленных гостей. Пожалуй, ее не спасло бы даже то, что она всегда могла положиться на своего очень компетентного и очень надежного капитана.

— Да, четверо. Великолепные образцы мужественности, все до последнего. Каждая женщина в радиусе ста ярдов пускала слюнки. Включая Зои.

— Зои? — Холли, казалось, безостановочно повторяла слова Мейси, но ведь каждый новый факт удивлял ее все сильнее. — Я думала, у нее с Джо-Джо все серьезно.

Билли «Джо-Джо» Бингхем был одним из первых ветеранов, откликнувшихся на призыв Слейта. Он прибыл на остров с полными руками инструментов, надежностью порядочного парня, плотницким опытом с элементами ноу-хау и, обретя цель, с головой ушел в реконструкцию чудовищного дома так, словно от этого зависела его жизнь и жизнь каждого американского мужчины или женщины. Когда официальный двухнедельный отпуск в ИКЕА подошел к концу, Джо-Джо решил остаться на Пиберри, а потом встретил Зои и больше никогда не покидал остров, основав свое собственное столярное производство по реставрации.

— Да, ну, в общем, смотреть-то никто не запрещает, верно?

— Не думаю, что Джо-Джо пришел в негодность.

— О чем речь. Не с этим южным акцентом, за который можно продать душу. Должно быть, в том песке скрыто нечто, превращающее всех парней в лакомые кусочки.

— Есть такое. Плюс два с лишним года тренировок, прежде чем солдат вообще туда отправят.

Мейси рассмеялась.

— Понимаю, у тебя много гостей и все такое, а я не собираюсь отказывать клиенту...но, думаю, Слейт переплюнул тебя по части праздничных пирогов. Он купил десяток.

— Вы не знаете, куда он пошел?

— Кажется, он что-то говорил о покупках на дворе Клайда.

Холли нахмурилась. Она надеялась, что они вместе посетят двор Клайда Гибсона и купят их первую рождественскую елку. Но, похоже, ее менее сентиментальный мужчина воспринимал начало новой памятной традиции с куда меньшим трепетом. Холли вздохнула. Как бы они со Слейтом Клайборном ни сблизились за минувший год, ей все равно приходилось себе напоминать говорить прямо. Если Холли хотела донести до него свои мысли, следовало выражать их словами. Понятными и четкими словами.

Она посмотрела на часы. Почти четыре. Возможно, оно и к лучшему. В любом случае, времени оставалось все меньше, а количество дел по подготовке к вечеринке не уменьшалось. По крайней мере, Холли доходчиво объяснила Слейту, чтобы он по возвращению с материка встретил ее в шатре мадам Зельды.

— Ну, увидимся позже, Мейси, — улыбнулась она. — Приводи всех, кто тебе нравится. Но больше никаких пирогов!

Со звучащим в ушах смехом Мейси Холли поспешила к шатру гадалки.

В отличие от прошлого года, погода была солнечной и ясной, с витающим в воздухе намеком на грядущую смену сезона. С чистым, свежим, сосновым ароматом. Запах напоминал Холли о Слейте, и всегда будет напоминать. Покрепче закутавшись в его куртку, она вдохнула знакомый аромат. Ничто не согревало ее лучше и не дарило такого ощущения безопасности. Холли влюбилась в Слейта с первого взгляда. Безвозвратно и глубоко. И с

каждым прожитым днем влюблялась сильнее.

Особенно она любила улыбки, все чаще игравшие на его губах.

Встреча с этим мужчиной стала одним из лучших событий в ее жизни. Еще одно — превращение дома Пиберри в «Дом Харпера», куда стекались ветераны, с которыми Слейт мог поговорить и поделиться историями. Никто не понял бы того, через что они прошли так, как понимали братья по оружию. А солдатам зачастую было не с кем поговорить. Слейт оставил за собой маяк для тех случаев, когда ему требовалось побыть одному, что происходило все реже и реже.

Пока Холли шла по ухабистому полю к шатру мадам Зельды, жители Пиберри приветствовали ее улыбками и подмигиваниями. Теперь она стала одной из них, уже не просто объектом любопытства и предметом островных сплетен. Холли полюбила этот проклятый остров, но не так сильно, как мужчину, которого остров подарил ей. Отнюдь не так сильно.

В этом году у шатра гадалки никого не было. И, как ни странно, внутри тоже царил тишина.

Приподняв створку, Холли заглянула в тускло освещенную палатку.

— Зо...Зельда?

— Я — мадам Зельда. Добро пожаловать в мой шатер. Мадам Зельда готова предсказать вашу судьбу и увидеть ваше будущее. Мадам Зельда слышит все, видит все, знает все.

Как и в прошлом году, в палатке клубился дым, и витал запах ладана, но мадам Зельда неуловимо изменилась. Хоть гадалка и была с ног до головы закутана в шарфы и сидела за столом перед хрустальным шаром, однако казалась выше, чем год назад. Холли уже успела познакомиться с Зои и подружиться с ней, поэтому не сомневалась, что женщина, играющая роль мадам Зельды, не дочь Мейси. А голос? Гораздо более низкий и хриплый, что было заметно даже под сбивающим с толку сильным акцентом.

— Начнем? — спросила провидица.

— Ну, я кое-кого жду.

— Да, я знаю. Человека? — долгая многозначительная пауза. — Возможно, мужчину?

Холли всмотрелась через стол, но в клубах дыма не смогла разглядеть глаза мадам Зельды над шарфами. На самом деле, не было видно ни единого проблеска ее лица. Однако все было...не совсем правильно.

Гадалка фальшиво мурлыкала себе под нос странную мелодию, отдаленно напоминавшую «Поднять якоря». Подобные напевы иногда доносились из душа, который Холли принимала в доме Пиберри с суровым красивым морским дьяволом. Под ониксовой столешницей гадалка начала выстукивать ногой по полу стаккато, будто ее внезапно охватила нервозность.

— Все в порядке? — спросила Холли.

— У меня? — прокаркала гадалка. Что бы она ни сказала далее, слова потонули в приступе кашля.

Вскочив со своего места, Холли постучала цыганку по спине. По очень широкой мускулистой спине.

— Немного простудилась, — прохрипела мадам Зельда. — Но волноваться не о чем.

— Понятно, — Холли села обратно на стул. — Просто, кажется...вы немного нервничаете.

— Нет, нет, все как нельзя лучше, — гадалка неуклюже опрокинула хрустальный шар, а

затем устроила целое представление по водружению его на место, бормоча что-то об отрицательной энергии и восстановлении баланса. — Как насчет чая? Зеленый? С жасмином? Вы ведь именно такой предпочитаете?

— Разве всевидящая и всезнающая мадам Зельда не знает сама? — у Холли зародились подозрения еще в тот момент, когда она впервые услышала хриплый голос гадалки.

«Все будет хорошо».

Почему-то перед мысленным взором возник образ отца. Его слова. Послание в последнем письме.

«Папа, я надеюсь, ты сейчас смотришь вниз и видишь меня. Могу поспорить, ты улыбаешься», — у нее защипало глаза. Скорее всего, виной тому были ладан и дым в шатре.

— А потом вы угостите меня пирогом? — спросила Холли.

— Пирогом? Нет, даже не думала. Нет у меня никакого гребаного пирога.

— Разве? Мне говорили иное.

Гадалка удрученно вздохнула.

— Давайте придерживаться программы, а?

— Всенепременно, — потянувшись через стол, Холли погладила руку мадам Зельды. Большую твердую руку. — Вы прочитаете по заварке? — спросила она.

«Все будет очень, очень хорошо».

— А? Заварка? Нет, нет. Просто мне тут подумалось, что вы захотите пить. Я вот хочу, — гадалка потянулась к маленькому пузырьку, выдернула пробку и вылила себе в горло всю янтарную жидкость до последней капли. Даже цыганские шарфы не смогли скрыть очень заметный кадык.

— Вы же в курсе, что на склянке написано «Любовное зелье №9»? — указала Холли.

— Серьезно? Батюшки. А на этой стороне бутылки написано «Captain Morgan»²¹.

— Батюшки? — повторила Холли, недоверчиво выгнув бровь. — Вы на самом деле только что сказали «батюшки»? А вы, гм, мадам Зельда, случаем не напились?

— Нет, нет. Ничего подобного. Может, лишь немного, гм, укрепила организм.

— И сколько, гм, зелий вы приняли?

— Ну, только это. И то, на котором написано «Любовное зелье №7».

Холли прикусила губу, едва сдерживая смех.

— И что же было написано на обороте второй склянки?

— «Дон Хулио».²²

— Вы смешали ром и текилу? — покачала головой она.

— Или любовные зелья под номерами семь и девять, — пожала плечами гадалка. — Это с какой стороны посмотреть.

— Разумеется, — согласилась Холли. — Бренди найти не удалось?

— «Любовное зелье №3», — сообщила провидица и указала вверх, где на полке, как солдаты, выстроились в ряд пузырьки. — Хотите?

— Пожалуй, откажусь, — сказала Холли. — Но мое состояние должно быть крайне серьезным, раз вы перед разговором со мной усиленно укрепляли здоровье.

— Ох, крайне, — уверила гадалка. — Серьезное, как сердечный приступ.

— Мне стоит волноваться?

— Иисус, надеюсь, что нет.

Холли снова задушила смех.

— Так мы можем, пожалуйста, продолжить? Скоро у меня будет полный дом гостей, и

предстоит столько всего сделать, а мой ненадежный парень, кажется, выбыл из игры.

— Холли, как у тебя язык поворачивается? — возмутилась гадалка мрачным приглушенным голосом, теперь кажущимся немного сердитым.

— Я ведь сижу здесь, а он где? — она драматично осмотрела шатер и остановила взгляд на соседнем стуле. — Нет, тут его нет, — Холли подняла крышку чайника и посмотрела внутрь. — Мм, тут тоже нет, — она заглянула под стол и фыркнула: — И тут нет. Между прочим, мадам Зельда, у вас очень большие ноги.

— Вы же слышали, что говорят о больших ногах?

Внезапно Холли сотряс такой приступ кашля, что ей пришлось вытирать слезы с глаз. Она наклонилась через стол:

— Правду говорят, — доверительно прошептала Холли. — До последнего слова.

— И вас все устраивает?

«А кого не устроило бы?».

— Неплохо, — пожала она плечами.

— Неплохо? — голос гадалки подскочил на октаву. — Всего лишь неплохо?

Холли посмотрела на часы и постучала пальцем по краю стола.

— Итак, мм, мадам Зельда, вы предскажете мою судьбу?

— А теперь мне нужно сделать еще глоточек зелья.

— Нет. Вам не нужно.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Ладно, — мадам Зельда вдохнула и выдохнула. — Может, начнем со штуки с камушками?

— Штуки с камушками? — повторила Холли. На этот раз она не смогла сдержать усмешку. Ей не терпелось узнать, к чему идет дело.

— Вы поняли, о чем я, — резковато ответила гадалка. Она все быстрее отбивала ногой дробь по полу.

— Конечно, — согласилась Холли. — Доставайте камушки.

— Если вы не хотите сначала взять меня за руку.

— Я бы хотела взять вас за руку, — она снова потянулась через стол и переплела свои пальцы с другими, твердыми и мозолистыми. Теплое, сильное, успокаивающее касание. Холли окутало знакомое ощущение защищенности. Теплая рука, теплое сердце.

— Да, хорошо. Вот так, — сказала гадалка, глядя большим пальцем ладонь Холли. — А теперь второй рукой вытряхните камень.

— Камень?

— Камни. Я имела в виду камни.

— Хорошо, конечно, — Холли взяла маленький бархатный мешочек, встряхнула его и вывалила содержимое на стол. Выпал только один камень.

Большой блестящий камень в окружении других, меньших размером, блестящих в оправе и настолько ослепительных, что у Холли перехватило дыхание.

— О, Боже.

— Итак, гм, ваше будущее... что вы о нем думаете?

— Что я думаю? — повторила она. — О, Боже, — она бы спрятала лицо в ладонях, вот только обе они были сжаты большими руками гадалки, соскользнувшей со своего стула на колени. Точнее, на одно колено.

Однозначно, Холли в глаза попал дым. Их начало щипать. Жечь. Они слезились, пока она едва не потеряла способность видеть. Каким-то образом гадалке удалось, не отпуская рук Холли, скинуть шарфы и открыть лицо, любимое ею больше всего на свете.

— Холли Харпер.

Поначалу ком в горле не позволял ей выдавить из себя хоть что-нибудь, кроме всхлипа.

— Капитан Клайборн.

— Ты — любовь всей моей жизни.

— Как и ты моей.

Теперь мужчина, стоящий перед ней на одном колене и держащий ее за руки, совершенно не нервничал и не был пьяным, лишь притягательным и уверенным. Он был сильным волевым человеком, которым Холли восхищалась, храбрым, красивым, родным и любимым, сумевшим превратить предложение руки и сердце в веселый легкий памятный момент.

— Холли Харпер, я благодарен за тот день, когда ты налетела на меня с кучей пирогов и полным отсутствием вежливости. За то, что ты вытянула меня из пропасти, наполнила собой пустоту в моей душе и разбудила ото сна мое сердце, — продолжил Слейт. — Я благодарен тебе за каждую секунду каждого дня, а особенно за каждую секунду ночи. За то, что ты со мной и, даря свою любовь, позволяешь идти по жизни рядом с тобой. И я хочу идти с тобой рука об руку остальную часть наших жизней в вечность. Если ты окажешь мне честь и станешь моей женой.

— О, Господи, Слейт, — слезы, наконец, полились по щекам, и Холли зарыдала в три ручья. — Для меня будет честью, удовольствием и огромной радостью стать твоей женой. Ты — мой якорь, моя опора и поддержка, не позволяющая бесцельно дрейфовать в море. Я хочу всегда быть рядом с тобой, — она сползла со стула и, обняв Слейта, уткнулась носом ему в шею. — Я так сильно люблю тебя, что у меня разрывается сердце. Я так люблю тебя, что иногда не могу дышать.

— Виноваты благовония, я уверен, — проворчал Слейт.

— Нет, — покачала головой Холли. — Гарвард, чертов ладан ни при чем. Дело лишь в тебе. Только в тебе.

Он облегченно выдохнул, будто в ожидании ее ответа задержал дыхание. И Холли не сомневалась, что этот хороший, честный и порядочный мужчина будет всегда ее ждать.

— В таком случае, не желаешь ли примерить? — спросил Слейт и, взяв кольцо, надел его Холли на палец. — А теперь, может, пойдём и выберем нашу первую елку? И пусть о сегодняшнем дне у нас будет еще одно воспоминание.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Notes

[

←1

]

«Испанская инквизиция» — серия скетчей из британского юмористического телевизионного шоу «Летающий цирк Монти Пайтона» (сезон 2, выпуск 2, весь выпуск так и называется — «Испанская инквизиция»), пародирующих реальную испанскую инквизицию. Основная фраза этих скетчей: «Никто не ждёт испанскую инквизицию!» (англ. Nobody

expects the Spanish Inquisition!) стала крылатой в английском языке.

[

←2

]

BUD/S представляет собой семь месяцев учебных занятий, которые развивают психическую и физическую выносливость и навыки руководства. Каждый этап включает в себя контроль физического состояния по времени, каждую неделю требования становятся все более жесткими.

[

←3

]

Траулер (англ. trawler, от trawl — трал) — промысловое судно, предназначенное для лова тралом рыбы и нерыбных объектов и их первичной обработки.

[

←4

]

Родни Дэнджерфилд (англ. Rodney Dangerfield, настоящее имя Джейкоб Родни Коэн (англ. Jacob Cohen); 22 ноября 1921 — 5 октября 2004) — американский комик и актёр. В 1980-х стал известен благодаря фильмам «Лёгкие деньги», «Гольф-клуб» и «Снова в школу».

[

←5

]

Генри Хэнни Янгмэн (16 марта 1906 — 24 февраля 1998) — американский юморист британского происхождения. Широкую известность приобрёл благодаря своим одностишиям (англ. one-liner) — шуткам, длиной в одну строчку.

[

←6

]

«Danger, Will Robinson!» — фраза из американского сериала 1960-х годов «Затерянные в космосе». Высказывание стало крылатым и предупреждает о том, что человек собирается совершить ошибку.

[

←7

]

Pottery Barn – сеть популярных магазинов, продающих все для дома.

[

←8

]

Timberland (Тимберленд) – популярный американский бренд, специализирующийся на производстве мужской, женской и детской обуви.

[

←9

]

Yankee Candle и Bath & Body Works – фирмы, производящие ароматические свечи.

[

←10

]

«Гарлем Глобтроттерс» (англ. Harlem Globetrotters, букв. «Гарлемские путешественники») — американская баскетбольная выставочная команда. В своих выступлениях сочетает элементы спорта, театрального шоу и комедии.

[

←11

]

Музыкальная подвеска (разг. ветерок) — связка мелких предметов, издающих перезвон при дуновении ветра, широко используемая в ландшафтном дизайне, особенно при украшении крылец, веранд, террас, навесов и т. д., примыкающих к дому. Используется и как музыкальный инструмент.

[

←12

]

Slate (англ.) — сланец, но и имя героя.

[

←13

]

Мультсериал "Чарли Браун" был снят по знаменитому и любимому американцами комиксу Peanuts, который почти пятьдесят лет подряд рисовал уроженец Миннесоты Чарльз Шульц (Charles M. Schulz, 1934-2000).

[

←14

]

Непромокаемая клеенчатая шляпа с широкими полями, надеваемая в непогоду.

[

←15

]

Памятник рыбаку в Глостере (англ. Gloucester Fisherman's Memorial) — скульптура, находящаяся на набережной города Глостер (штат Массачусетс, США) вместе с расположенными вокруг неё мемориальными табличками в память о местных рыбаках, погибших в океане со времени основания города Глостер в 1623 году. Скульптура представляет собой бронзовую фигуру рыбака в штормовке, держащего в руках штурвал корабля. Лицо рыбака обращено к Глостерской бухте, выходящей к Атлантическому океану. Высота фигуры — 2,4 м[1]. Она установлена на гранитном постаменте, на котором (со стороны бухты) выбита надпись из 107-го псалма Библии: "They That Go Down to the Sea in Ships («те, кто погружаются в море в кораблях»), а на обратной стороне (обращённой к улице) — "Memorial To The Gloucester Fisherman, August 23, 1923" («Памятник глостерскому рыбаку, 23 августа 1923»).

[

←16

]

Mincemeat - это начинка из изюма (для пирога); миндаля и сахара; фарш из изюма; яблоки и смесь из мелко нарубленного изюма, миндаля и пр. с сахаром (для начинки пирога)

[
←17

] Название острова Pieberry (англ.). Pie – пирог, berry – ягода.

[
←18

] Отсылка к культовому американскому фильму «Касабланка». Фраза подразумевает наигранное удивление известному факту.

[
←19

] Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР, «вьетнамский синдром», «афганский синдром» и т. п.) — тяжёлое психическое состояние, которое возникает в результате единичной или повторяющихся психотравмирующих ситуаций, как, например, участие в военных действиях, тяжёлая физическая травма, сексуальное насилие, либо угроза смерти.

[
←20

] Триггер (от англ. trigger) — событие, вызывающее у человека, больного ПТСР, внезапное репереживание психологической травмы, само по себе не являющееся пугающим или травматичным.

[
←21

] Captain Morgan — марка рома, производимая британским концерном спиртных напитков Diageo. Названа по имени английского пирата (валлийского происхождения) Генри Моргана. Крупнейшими рынками сбыта для Captain Morgan являются США, Великобритания, Канада, Германия и ЮАР.

[
←22

] Текила «Дон Хулио» — напиток премиум-класса, который высоко ценят знатоки, предпочитающие высококачественный алкоголь.